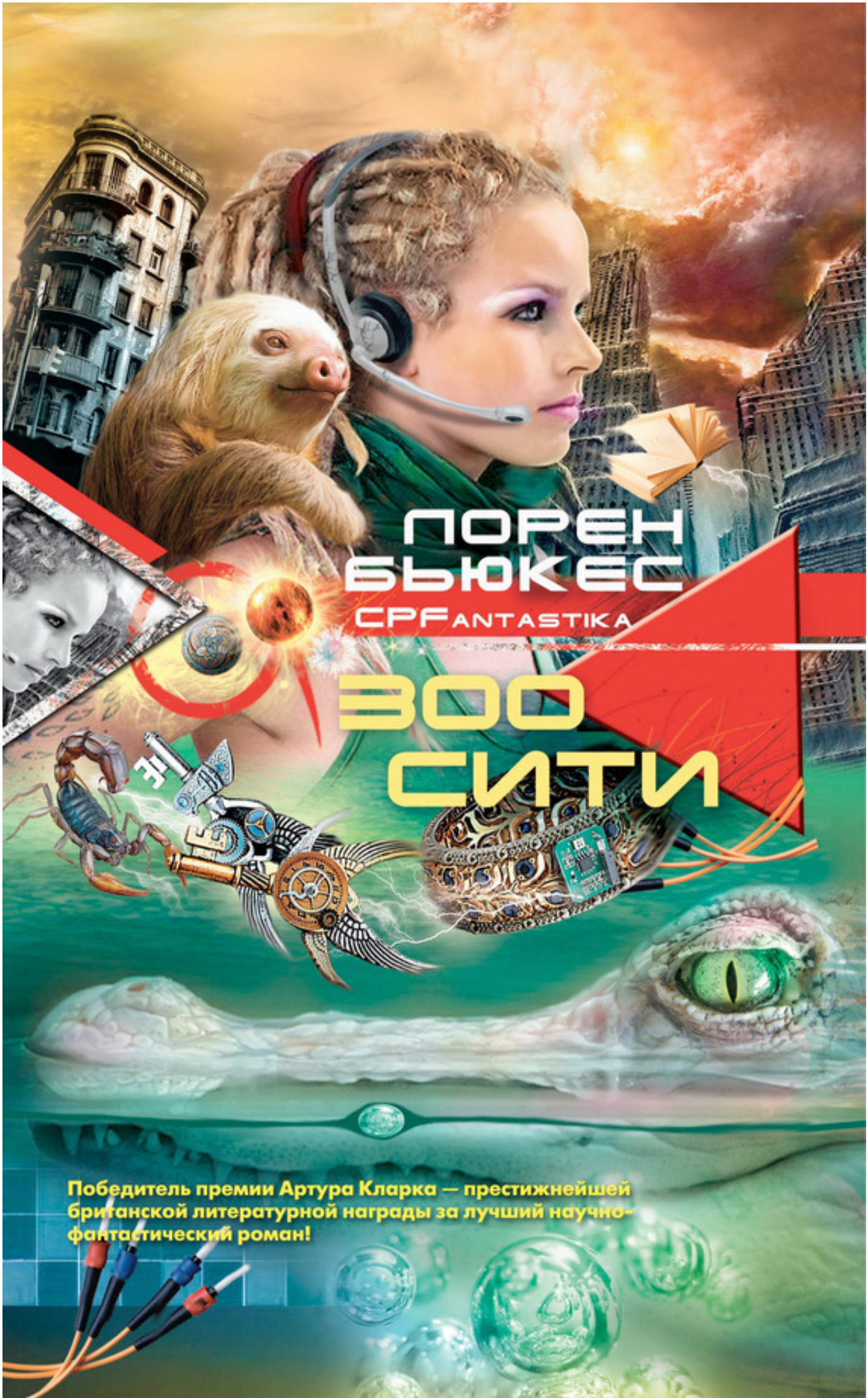
ЛОРЕН БЬЮКЕС
CPFANTASTIKA
ЗОО СИТИ
Победитель премии Артура Кларка — престижнейшей британской литературной награды за лучший научно-фантастический роман!

CPFantastika

Лорен Бьюкес

Зоосити

«Центрполиграф»
2011

Бьюкес Л.

Зоосити / Л. Бьюкес — «Центрполиграф»,
2011 — (CPFantastika)

Они не знают, какое животное получат за совершенное преступление. Кому-то достанется мышь, а кто-то будет «награжден» гиеной или скорпионом. Они живут в Зоосити, куда не любит заглядывать полиция. Грабеж, насилие, убийства – здесь обычное дело. Зинзи Лелету, бывшая журналистка, в наркотическом бреду застрелившая своего брата, таскает на спине ленивца, ее друг Бенуа – мангуста. Зоолюди не могут расстаться со своим воплощением греха, поэтому их так легко узнать.У Зинзи дар – отыскивать потерянные вещи, но однажды знаменитый продюсер за большие деньги нанимает ее с тем, чтобы она нашла человека, неожиданно пропавшую юную звезду шоу-бизнеса. Зинзи чувствует, что ввязывается в опасное и грязное дело, но слишком велико искушение вырваться из цепких лап кредитора, и она соглашается…

© Бьюкес Л., 2011
© Центрполиграф, 2011

Содержание

Часть первая 5
Глава 1 5
Глава 2 14
Глава 3 16
Глава 4 20
Глава 5 21
Глава 6 28
Глава 7 32
Глава 8 38
Глава 9 42
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Лорен Бьюкес
Зоосити

Часть первая

Глава 1

В *Зоосити неприлично задавать вопросы.*

В мое окно проникают зеленовато-желтые утренние лучи – привет от золотистых терриконов, окруживших Йоханнесбург. Можно гордиться: у меня есть личный, собственный «прожектор Бэтмена». А если подумать, солнечные лучи напоминают о том, что мне давно пора купить занавески.

Жмурясь – все равно утро уже наступило, и сон разбит вдребезги, – я сбрасываю одеяло и вылезаю из кровати. Бенуа почти не шевелится, только его мозолистые ступни торчат из-под покрывала, как бревна-плавники, прибитые волной к берегу. Такие ступни сами по себе говорят о многом. Говорят, он пришел пешком из самой Киншасы с Мангустом на груди.

Сейчас этот самый Мангуст свернулся калачиком на моем ноутбуке, словно меховая запятая; под его носом мерцает светодиодный индикатор. Как будто не знает, что мои вещи трогать нельзя. Ну, не люблю я, когда кто-то смотрит, чем я занимаюсь! Дело в том, что мою работу, строго говоря, нельзя назвать законной.

Я беру ноутбук обеими руками и осторожно наклоняю над письменным столом. Когда угол наклона доходит до тридцати градусов, Мангуст скользит по крышке, вздрагивает и просыпается. Безуспешно цепляется за ноутбук коготками. Падая, успевает сгруппироваться и приземляется на задние лапки. Пригнув голову и ссутулив полосатые плечи, он скалится и шипит на меня. Я шиплю в ответ. Мангуст тут же делает вид, будто его покусали блохи и ему нужно срочно умыться и почиститься. Он танцует, извиваясь во все стороны.

Оставив Мангуста в покое, я хватаюсь за свисающую с потолка веревочную петлю. Таких петель у меня несколько, они похожи на лианы в амазонских джунглях. Перелетаю над истертым линолеумом к шкафу… Конечно, назвать *это* шкафом можно только с большой натяжкой. Все равно что называть квартирой мое убогое жилище. Линолеум на полу протерся, в комнате гуляют сквозняки, водопровод и канализация работают по большим праздникам. Так вот, мой «шкаф» – обычный ящик с откидной крышкой, обитый внутри материей. В «шкафу» я храню свой гардероб. И еще в нем спит Ленивец. Когда я отдергиваю пеструю, в подсолнухах, покрышку, Ленивец сонно моргает глазами. Он висит на своей жердочке, похожий на старую меховую шубку. По утрам он не очень-то общителен.

От его меха и длинных когтей пахнет мхом. И все же запах Ленивца можно назвать приятным, сравнив с удушливой вонью, которая сбивает с ног на лестнице. Там вечно горит чей-то мусор, а стены покрыты черной плесенью. Наша многоквартирная башня с гордым названием «Элизиум-Хайтс» – «Райские высоты» – уже давно обречена.

Я надеваю темно-синее винтажное платье с белым воротником, джинсы и шлепанцы. Дреды подвязываю ярко-зеленым шарфом. Шарфик я надеваю не просто так: он надежно прикрывает мое искалеченное левое ухо. Представили видок? Грейс Келли в роли Сейлор

Мун, прекрасной воительницы в матроске. А вообще я наряжаюсь так вовсе не потому, что уж очень люблю винтаж. Просто сейчас приходится экономить на всем. Раньше я одевалась исключительно в модных инди-бутиках… Но это было в ПЖ – в прошлой жизни.

– Пошли, дружок! – зову я Ленивца. – Неприлично заставлять клиентов ждать!

Ленивец неодобрительно чихает и потягивается. Потом цепляется за меня когтями и карабкается на спину. Долго крутится и топчется, обхватывая меня за шею длинными пушистыми лапами, устраивается поудобнее. Раньше я часто злилась на него за медлительность, но постепенно мы оба приспособились друг к другу.

Из-за того, что в моем организме отсутствует нужная доза кофеина, я не сразу соображаю, откуда доносится монотонный скрежет. Бросаю взгляд на входную дверь и вижу, что в нее с невозмутимым видом скребется Мангуст.

Я со вздохом поворачиваю ключ и снимаю навесной замок, на котором выгравировано заклинание – предполагается, что оно отпугнет любителей поживиться чужим добром. При первом же щелчке Мангуст протискивается между моими ногами и стремглав несется на площадку, где стоит общий лоток для экскрементов. Найти лоток легко – запах приведет.

– Ему надо прорезать кошачью дверцу. – Бенуа наконец проснулся и приподнялся на локте. Он щурится, приставив пальцы козырьком ко лбу, потому что на его половину кровати переместился солнечный луч, отражаясь от башни Понте.

– Зачем? – говорю я, придерживая дверь ногой – ведь Мангуст неизбежно сразу же вернется. – Собираешься ко мне переселиться?

– А ты меня приглашаешь?

– Не очень-то раскатывай губу, понял? Ишь развалился… С удобством устроился, как дома!

– И это все?

– Не умничай!

– Не волнуйся, шери на нгайи. Твоя постель как булыжная мостовая, на ней непросто расположиться с удобством. – Бенуа лениво потягивается, обнажая целую сетку шрамов на плечах и рубцы от ожогов на шее и груди. – Приготовишь завтрак? – Он называет меня «любовь моя» только на лингала; тем легче мне делать вид, будто я не расслышала.

Я пожимаю плечами:

– У меня сегодня доставка!

– Есть что-нибудь интересное? – Бенуа обожает слушать мои рассказы о потерянных вещах.

– Связка ключей и вдовье кольцо.

– Ах да… Чокнутая старушка.

– Миссис Лудицки.

– Ну да, ну да, – кивает Бенуа и повторяет: – Чокнутая старушка.

– Поторопись, друг мой. Мне пора!

– Еще рано! – морщится Бенуа.

– Я не шучу.

– Ладно, ладно! – Он вылезает из кровати, хватает с пола джинсы и старую футболку, позаимствованную с благотворительной ярмарки Центральной методистской церкви.

Я выуживаю кольцо миссис Лудицки из пластиковой чашки, в которой оно всю ночь отмокало, чтобы ушел ядовитый запах канализации. Я споласкиваю кольцо под краном, вода еле капает. Платиновое кольцо с созвездием сапфиров и узким серым ободком посередине почти совсем не пострадало – на нем лишь едва заметная царапина. Несмотря на активную помощь Ленивца, я потратила на поиски проклятого кольца целых три часа.

Едва дотронувшись до кольца, я почувствовала толчок – внутреннюю связь с владелицей. Я представляю себе эту связь как зыбкую нить, которая делается прочнее, стоит мне сосредоточиться. Ленивец давит мне на плечи; длинные когти впиваются в ключицу. Я кривлюсь от боли:

– Полегче, ты, тигр! – Наверное, с тигром было бы в какой-то мере проще… Как будто нам дано выбирать!

Бенуа уже оделся; Мангуст нетерпеливо нарезает восьмерки вокруг его ног. Я провожаю его до двери.

– Значит, до скорого? – спрашивает он.

– Может быть! – Неожиданно для себя я улыбаюсь.

Он нагибается поцеловать меня, и Ленивец с видом собственника замахивается на него лапой. Бенуа привычно уклоняется и ворчит:

– Не знаю, кто хуже – ты или твоя обезьяна!

– Конечно, я, – отвечаю я, запирая за ним дверь.

От почерневших стен на лестнице «Элизиум-Хайтс» до сих пор идет душок Отлива – он отдаленно напоминает запах горелой синтетической ткани, если ее по ошибке засунуть в микроволновку. Лестничный пролет обтянут желтой заградительной лентой, на которой болтается амулет против сокрытия улик. Как будто полицейские когда-нибудь сюда вернутся! Полиция наведывается в наше гетто Зоосити лишь в исключительных случаях, а о том, чтобы здесь провели настоящее следствие, никто даже и не мечтает. Спускаться вниз жителям нашего этажа и выше приходится по пожарной лестнице. Правда, так поступают не все. Вниз можно спуститься и быстрее. Я обладаю даром отыскивать не только потерянные вещи, но и удобные обходные пути.

Я захожу в квартиру номер шестьсот пятнадцать – она выгорела почти дотла, и жильцы съехали отсюда, – прыгаю в дыру в полу и оказываюсь в квартире пятьсот двадцать шесть. Наркоманы вынесли из нее все, что только можно продать за дозу. Ободрали линолеум, сняли все раковины и отрезали трубы.

Кстати, о дозе. На полу у двери пятьсот двадцать шестой валяется какой-то торчок – то ли в отключке, то ли совсем улетел. На груди у него, часто и неглубоко дыша, сидит грязный комок меха. Я перешагиваю через него и поскальзываюсь на осколке разбитой лампочки. В наши дни курили крэк, а те, кто совсем на мели, закидывались мандраксом.

На пятом этаже можно перейти в соседнюю башню, «Аурум-Плейс», и спуститься вниз, как нормальный человек, по нормальной лестнице… Точнее, не совсем нормальной. Толкнув дверь на лестницу, я оказываюсь в кромешном мраке и догадываюсь, где торчок добыл лампочку.

– Романтика! – бурчу я себе под нос.

Ленивец что-то хрюкает в ответ.

– Да-да, радуйся, но не забывай: если я споткнусь и грохнусь, ты грохнешься вместе со мной! – предупреждаю я, делая первые шаги в темноте.

Ленивец уверенно управляет мной, как мотоциклом, вцепившись мне в плечи когтями и нажимая в нужных местах: налево, направо, вниз, вниз, вниз… Через два пролета уже светло, там еще не успели выкрутить лампочки. Чует мое сердце, жить им осталось недолго. Скоро торчки доберутся и до них – через лампочки они вдыхают айс, или, по-нашему, тик. В трущобах народ изобретательный, новое применение находят всему – даже тому, что прибито и приварено.

Спустившись по полутемной, душной лестнице, где меня одолевает клаустрофобия, я с облегчением выхожу на улицу. Раннее утро, еще сравнительно тихо. Впереди пыхтит муниципальный уборочный грузовик; из него на бетон льется струйка воды. Уборщики замывают следы ночных правонарушений, ночных грехов, а заодно прогоняют с улиц и «ночных бабочек». Одно такое существо непонятного пола поспешно отскакивает на тротуар, чтобы ее не облили, едва не раздавив тщедушного Воробья, который скачет между тощими ногами, обутыми в босоножки на высоком каблуке.

Увидев меня, «ночная бабочка» поспешно обдергивает куцую джинсовую курточку, надетую прямо на голое тело. Грудь у существа имеется, правда, неясно, выросла она под действием гормонов или магии. Поравнявшись с «ночной бабочкой», я вижу вокруг нее паутину

потерянных вещей. Стараюсь не концентрироваться, и все равно в сознание протискиваются неясные образы – проплывают размытые картинки: золотой портсигар, а может, визитница… полупустой пластмассовый коробок с коричневым порошком… красные с блестками туфли на шпильках… можно подумать, Дороти из страны Оз выросла, вернулась в наш мир и устроилась стриптизершей.

Ленивец немедленно оживляется. Я хлопаю его по лапе:

– Не твое дело, приятель!

Он слишком чувствителен. У моего дара – или проклятия, называйте как хотите, – есть побочное действие. Дело в том, что все когда-то что-то теряют. Когда я хожу по улицам, у меня возникает такое чувство, будто я в лабиринте перепутанных веревочек. Как в детской игре. Или нет… Как будто в сумасшедший дом привезли катушки ниток и поручили обитателям привязать ими все ко всему. У некоторых людей нити от потерянных вещей похожи на паутину – тонкие запутанные сетки, готовые в любой миг оборваться, а есть такие, которые словно тащат на себе стальные тросы. Когда ищешь чью-то потерю, главное, знать, за какую ниточку потянуть.

Что-то утраченное найти уже невозможно. Например, молодость. Или невинность. Или – вы уж простите, миссис Лудицки, – ценные вещи, если они попали в трущобы. Кольца отыскиваются без особого труда. Легко найти также потерянные ключи, любовные письма, любимые игрушки, фотографии и пропавшие завещания. Однажды я даже нашла потерянную комнату. И все же я предпочитаю легкие задания – мелкие ценности. С более важными находками сложнее. Из важного последней моей находкой (для себя, между прочим!) стала вредная привычка – наркомания. И посмотрите, чем все обернулось!

Я останавливаюсь у лотка торговца из Зимбабве, чтобы купить себе питательный завтрак – сигарету. Пока сам торговец раскладывает на дрянном лотке всякую мелочовку – леденцы, сладости, сигареты поштучно, – его жена распаковывает красно-синие клетчатые сумки с дешевым тряпьем и одноразовой электроникой. Эти сумки я ненавижу. Они повсюду. Похоже, их выдают всем беженцам вместе с комплектом документов. «Получите временное удостоверение личности, анкету на предоставление политического убежища да сумочку, сумочку не забудьте!»

Я щелкаю поддельной зажигалкой «Ремингтон голд», которая стоит столько же, сколько полсигареты «Стайвесант». Йобург наводнен дешевыми подделками. Ленивец недовольно фыркает мне в ухо.

– Да ладно тебе! Одна сигарета – ерунда. Все равно до эмфиземы я не доживу… – Хотя даже эмфизема, наверное, лучше, чем Отлив…

Ленивец не отвечает, но я чувствую, что он недоволен. Он ерзает по мне, мнет лапами спину. В отместку я поворачиваюсь и выдыхаю дым прямо ему в морду. Ленивец морщится и громко чихает.

Машин на улицах все больше; дребезжат такси, развозя первые партии трудящихся масс из пригородов. Я пользуюсь случаем прорекламировать себя – подсовываю листовки под «дворники» машин, припаркованных вдоль улицы у редакции газеты «Ежедневная правда». Те, кто высасывает новости из пальца, встают очень рано!

Я разместила свою рекламу в нескольких местах. В местной библиотеке. В супермаркете – там мое объявление затиснуто между предложениями услуг «домработницы с отличными рекомендациями» и объявлением о продаже подержанной газонокосилки. Мой листок наклеен поверх других, обещающих чудесное исцеление от СПИДа, дешевые аборты и пророчества.

> «Потеряли небольшую, но ценную вещь?
> Я НАЙДУ ПРОПАЖУ!
> *Окажу помощь по разумной цене.*

Не занимаюсь: наркотиками, оружием, пропавшими людьми».

Расширять круг клиентов мне не с руки; поэтому я не публикую рекламу своих услуг в Интернете. Пусть будет так, как судьба распорядится, – мое объявление прочтут только те, для кого оно предназначено. Вроде миссис Лудицки, которая позвонила мне утром в субботу и пригласила в свою квартиру в «хорошем» районе Килларни.

К чести старушки, она не дрогнула, увидев у меня на плечах Ленивца.

– Значит, это вы дали объявление, что ищете потерянные вещи? Входите, входите! Выпейте чаю. – Не дожидаясь ответа, она сунула мне чашку с маслянистым на вид чаем и пригласила из тесной прихожей в такую же тесную гостиную.

В ПЖ ее квартирка, видимо, была оформлена в стиле ар-деко. За прошедшие годы ее не раз обновляли и ремонтировали – судя по всему, ремонтом занимались люди, страдающие полным отсутствием вкуса. Миссис Лудицки производила такое же странное впечатление, как и ее квартира. Ее полупрозрачная кожа мерцала, как глицериновое мыло, глаза были чуть навыкате, губы она растянула в вечной улыбке. Наверное, лицевые мышцы совсем застыли от ботокса, и не улыбаться она уже просто не может. Редкие волосы оранжевого цвета она с помощью геля уложила в высокую башню-помпадур, они напоминали пышную, но тонкую корочку на крем-брюле.

Чай на вкус напоминал лошадиную мочу, процеженную сквозь носки бомжа, и все-таки я его выпила – исключительно потому, что Ленивец зашипел на меня, когда я попыталась незаметно вылить его в стоящий у дивана горшок с экзотической орхидеей.

Миссис Лудицки сразу приступила к делу:

– У меня пропало кольцо. Вчера в торговом центре меня ограбили и…

Я перебила ее:

– Краденными вещами не занимаюсь. Это совершенно другая область магии.

– Будьте так добры, дослушайте до конца, – отрезала старушка. – Увидев грабителей, я сразу пошла в туалет, где сняла с себя все украшения. Я ведь знаю, что вы за люди… ну, преступники то есть, – торопливо добавила она. – Не обижайтесь, я не имею в виду всех оживотненных…

– Конечно-конечно! – покивала я.

Истина в том, что все мы преступники. Убийцы, насильники, наркоманы. Отбросы общества. В Китае зоолюдей казнят из принципа. Зверь, который всегда с тобой, – вечное напоминание твоей вины. Твоего греха.

– Что же случилось после того, как вы сняли с себя все украшения?

– Сейчас расскажу. Мне никак не удавалось снять кольцо. Я носила его не снимая восемь лет… С тех самых пор, как умер Ублюдок.

– Ваш муж?

– Видите ли, в кольцо вделан его прах. Пепел как-то обрабатывают и вплавляют в платину; получается тоненький ободок. В общем, сделать другое такое кольцо невозможно. И потом, знаю я, что бывает, если с вас не могут снять кольцо. Когда ограбили двоюродную сестру моей соседки, ей отрубили палец огромным грязным ножом!

Я сразу поняла, куда она клонит:

– И вы решили намылить палец, да?

– Да, и кольцо соскользнуло – упало в унитаз и провалилось в канализацию.

– В канализацию, – эхом повторила я.

– Именно так я и сказала!

– Можно? – спросила я и потянулась к руке миссис Лудицки. Рука была красивая, может, чуть пухловатая, густо напудренная. Даже сквозь толстый слой пудры проступали многочисленные морщины. Руки откровеннее, чем лицо, выдают истинный возраст. Может быть, на

руки ботокс не действует, а может, такая операция слишком дорого стоит. – На каком пальце вы носили кольцо?

– На безымянном, милочка. Обычно на этом пальце и носят кольца.

Я закрыла глаза и нажала на подушечку ее пальца – возможно, нажала слишком сильно. И передо мной сразу блеснуло кольцо, похожее на размытый серебристый нимб. Оно лежало в воде, в вонючей темноте. Я не стала сразу определять точное место. Знала, что излишняя сосредоточенность приводит к мигрени – так же как, например, быстрый бег. Главное дело сделано: я ухватила кончик нити. Отделившись от старушки, нить повела меня в центр города, точнее, в его недра.

Открываю глаза, вижу, что миссис Лудицки пристально смотрит на меня, как будто хочет пробуравить мне череп и посмотреть, как крутятся мозги. За ее пышной полупрозрачной прической я увидела горку, уставленную фарфоровыми статуэтками. За стеклом стояли хорошенькие пастушки и ангелочки, игривые котята и целый ряд танцовщиц фламенко.

– Оно в канализации, – без выражения сказала я.

– Мне показалось, мы это уже установили.

– Терпеть не могу канализацию. – Моя неприязнь выросла не на пустом месте. Вы удивитесь, если узнаете, сколько утерянных вещей оказывается в канализации.

– Ах, простите, что оскорбила ваше достоинство, мисс Чистюля! – отрезала миссис Лудицки.

Я не очень обиделась, потому что с интересом наблюдала за ее неподвижными лицевыми мускулами.

– Так беретесь вы за работу или отказываетесь?

Конечно, я взялась за работу. Задаток в пятьсот рандов, полученный от миссис Лудицки, был для меня совсем не лишним. Еще столько же она посулила заплатить после того, как я верну ей кольцо. Пришлось спускаться в ливневый сток под торговым центром Килларни и копошиться там по щиколотку в дерьме. Ну, не совсем в дерьме в буквальном смысле слова – нечистоты текут по другим трубам. Но у стоячей воды, в которой плавают дохлые крысы, использованные презервативы и другой мусор, тоже аромат неслабый, уж вы мне поверьте!

Клянусь, я до сих пор чувствую эту вонь, несмотря на отбеливатель. Стоило ли дело тысячи рандов? Даже и близко не стоило. Проблема в том, что для нас, машави, то есть наделенных даром, наш дар – не столько работа, сколько призвание. Тебе не дано выбирать, какой у тебя будет талисман… И какие новые способности у тебя появятся.

По пути я заношу связку ключей в магазин по продаже сотовых телефонов – точнее, в квартирку наверху, потому что сам магазинчик еще заперт. Владелец магазина, камерунец, так мне благодарен, что обещает скидку на эфирное время в виде премии. Из-за его ног выглядывает малышка, одетая в розовый пушистый костюмчик медвежонка; она хватает отца за ноги пухлыми пальчиками. Я догадываюсь: ей дали поиграть ключами, она грызла их, а потом ей надоело играть, и она вышвырнула связку на улицу в час пик. Такая работенка стоит пятьдесят рандов. Для меня привычное задание, и выполнить его оказалось несложно. По опыту я знаю, что старушки вроде миссис Лудицки встречаются редко.

Я иду по Эмпайр, через Парктаун, прохожу мимо бывшего Йоханнесбургского колледжа. Из некоторых проезжающих машин мне враждебно гудят. Я показываю им средний палец. Я не виновата в том, что они живут в своих изолированных пригородах и еще не привыкли к виду зоолюдей. Хорошо, что пока Килларни не обнесли высоким забором с колючей проволокой наверху… Пока.

До дома миссис Лудицки еще два квартала; надо повернуть с Оксфорд-стрит, подальше от плотного потока машин, вызывающего у меня головную боль, которая сдавливает виски так, будто в голове засел термит. И вдруг я чувствую, как нить слабеет.

Ленивец в ужасе взвизгивает и цепляется за меня; его длинные когти впиваются в кожу до крови.

– Знаю, приятель, знаю! – шепчу я на бегу. Сжимаю в кулаке лежащий в кармане холодный металлический ободок, как будто надеюсь подзарядиться от него. Чувствую почти незаметную пульсацию, но нить распутывается.

Мы с Ленивцем еще ни разу не теряли нити. Даже когда потерянная вещь как будто находилась вне пределов досягаемости. Однажды рукопись одного начинающего писателя развеяло в парке Эммаренция-Дам, и все же я по-прежнему чувствовала связь, идущую от него к каждой странице. А сейчас у меня возникло такое чувство, будто между кольцом и его владелицей отсыхает пуповина.

Рядом с подъездом миссис Лудицки я вижу карету скорой помощи и полицейский фургон, на фоне серой стены крутится красно-синий проблесковый маячок. Ленивец негромко хнычет.

– Все хорошо, – говорю я, задыхаясь, хотя совершенно уверена: ничего хорошего меня не ждет.

Слившись с толпой зевак, я вздрагиваю, когда меня вдруг берут за локоть.

– Что с вами, дорогуша?

Видимо, мне совсем плохо, потому что я не заметила в толпе странную парочку – тощую и долговязую женщину, похожую на ангела с огромными черными крыльями, и низкорослого толстячка с мальтийским пуделем, выкрашенным в нелепый оранжевый цвет – в тон шарфику у мужчины на шее. Толстяк и задал мне вопрос. На нем дорогие очки и безукоризненный костюм – складка на брюках острая, как челка у него на лбу. Его Пудель бросает на меня скучающий взгляд и нехотя виляет хвостом. Не скажу, что я в восторге от Ленивцев, но, по крайней мере, меня не наделили живым ершиком для туалета! Или грифом – я сужу по жутковатой лысой голове, которая качается вверх-вниз за плечами у тощей дылды и время от времени ныряет под крыло.

Возраст и даже в каком-то смысле пол дылды определить трудновато. Я бы дала ей от тридцати двух до пятидесяти восьми лет. Голова у нее почти лысая, как после химиотерапии, редкие пряди черных волос липнут к черепу. Брови у нее тонкие, выщипанные в ниточку. А может, она нарочно старается выглядеть пострашнее? На дылде тонкие серые рейтузы, заправленные в сапоги для верховой езды, а сверху – белая рубашка с закатанными рукавами. На груди крест-накрест кожаные ремни. Наверное, портупея предназначена для Птицы, сидящей у нее на спине.

– Что здесь случилось? – спрашиваю я у коротышки с шавкой.

– У-бий-ство! – театральным шепотом отвечает он, прикрыв рот ладонью. – Убили старушку со второго этажа. Ужас! Хотя я слышал, что она потрясающе хорошо сохранилась!

– Полицейские что-нибудь сказали?

– Пока нет, – отвечает дылда неожиданно низким, хрипловатым голосом, какой бывает у джазовых певиц.

Она говорит с каким-то восточноевропейским акцентом – то ли русским, то ли сербским. При звуках ее голоса Птица перестает чистить перья, и над плечами женщины нависает длинная шея с бородкой, как у индюка. Птица кладет морщинистую голову дылде на грудь; длинный острый клюв метит ей в бедро. Я присматриваюсь. Нет, у нее не Гриф – Марабу! Дылда нежно гладит Марабу по пятнистой голове – так можно гладить ребенка или любимого. Она так похожа на свою птицу, что я тут же окрестила ее Марабу.

– Откуда же вы знаете, что ее убили?

Мальтиец ухмыляется:

– Как вам известно, дорогуша, почти ни одному машави не удается самому выбрать себе животное… Но у Амиры особый дар. Она чует падаль. Ее ощущения обостряются рядом с местами убийства, хотя она любит и хорошие автокатастрофы. Верно ведь, лапочка?

Марабу улыбается в знак согласия – если только можно назвать ее гримасу улыбкой.

Из дома выходят санитары с носилками, на которых лежит тело в сером пластиковом мешке. Они затаскивают носилки в машину скорой помощи.

– Извините, – говорю я, проталкиваясь вперед. Санитар захлопывает задние дверцы, подает знак шоферу, чтобы тот выключил мигалку. Мертвым уже некуда спешить. И все-таки я должна спросить. – Там миссис Лудицки?

– Ты что, ее родственница? – раздраженно спрашивает санитар. – Если нет, это не твое дело, зоодевочка!

– Я работаю на нее.

– Тогда тебе крупно не повезло. Никуда не уходи! Полицейские наверняка захотят с тобой побеседовать.

– Хоть намекните, что с ней случилось!

– Скажем, так, солнышко: тихая смерть во сне – это не про нее.

Скорая испускает придушенный вой и выезжает на дорогу, увозя миссис Лудицки. Я сжимаю кольцо в кармане так крепко, что сапфиры впиваются мне в ладонь.

Ленивец прячет морду у меня на шее, тычется в меня носом… Жалко, что я не могу его утешить.

– Грязное дело, – сочувственно замечает Мальтиец.

– А вы-то здесь при чем? – злюсь я непонятно почему. – Вы что, из полиции?

– Что вы, нет! – смеется толстячок. – Она бы, может, и хотела побежать за «скорой», – он кивает в сторону дылды, – да смысла нет!

– Примите наши соболезнования в связи с утратой, – говорит Марабу.

– Не стоит, – отвечаю я. – Я видела ее всего один раз.

– Позвольте спросить, какие именно услуги вы оказывали старушке? Были ее секретаршей? Ходили за покупками? Ставили ей клизму?

– Я кое-что для нее искала.

– И нашли?

– Я всегда нахожу.

– Лапочка, ну надо же, какое чу-дес-ное совпадение! Нет-нет, я вовсе не радуюсь, что ваша хозяйка умерла… Смерть – всегда ужасна. Просто дело в том… Видите ли…

– Мы тоже кое-что ищем, – перебивает его Марабу.

– Вот именно! Спасибо, – поворачивается к ней Мальтиец. – И значит, такой у вас… так сказать… дар? Ну да, ну да. Может быть, вы и нам поможете?

– Что я должна найти?

– Видите ли, Амира сказала «кое-что», а на самом деле мы ищем кое-кого.

– Извините, но людьми я не занимаюсь.

– Но вы ведь даже не знаете, о ком речь!

– И не нужно. Я не ищу пропавших людей.

– Мы хорошо заплатим.

Птица на спине дылды расправляет крылья, и я вижу белые стрелки с внутренней стороны черных перьев. Крылья у птицы обрезаны, а вместо лап – изуродованные обрубки. Теперь понятно, почему дылда постоянно таскает птицу на себе.

– Столько вам еще ни за один заказ не платили!

– Соглашайтесь, дорогуша. Ваша клиентка только что отбросила коньки. Простите за откровенность… Но что еще вы умеете делать?

– Я вас совсем не знаю…

– Совершенно верно! Какое упущение! Извините… Вот! – Марабу достает из нагрудного кармана мятую визитку и зажимает между искривленными пальцами с красивыми, холеными ногтями. Карточка с бесцветным тиснением – белое на белом и шрифт простой без засечек:

«Марабу & Мальтиец
ПОСТАВКИ».

– А поконкретнее?

– Думайте что хотите, мисс Декабрь! – отвечает Марабу.

Ленивец глухо ворчит, как будто я и сама не понимаю, что крепко влипла. Сосредоточиваюсь, стараюсь увидеть их потерянные вещи. Видимо, они заранее навели обо мне справки. Мне тоже необходимо хоть что-то узнать о них.

Мальтиец совершенно чист – так бывает, но редко. Потери не прослеживаются либо у патологически мелочных педантов, либо у тех, кому на все наплевать. И все-таки мне становится не по себе. Последним виденным мною человеком без единой потери стала уборщица из «Элизиум-Хайтс», которая бросилась в открытую шахту лифта.

Зато вокруг Амиры поразительно яркие картинки. Должно быть, от страха мое восприятие усилилось. Коктейль из адреналина и дара – опасная штука. Никогда еще мне не удавалось разглядеть потерянные вещи так отчетливо. Как будто вместо дешевой «мыльницы», у которой к тому же объектив запачкан вазелином, мне вдруг дали дорогую зеркалку.

Я отчетливо вижу вещи, которые в свое время потеряла Марабу. Вот бежевые кожаные шоферские перчатки, мягкие и немного выцветшие от времени. На одной недостает пуговицы на запястье. Грязная книга с вырванными страницами, причем те, что остались, покоробились от влаги; обложка наполовину оторвана. Различаю узор сепией, начало заглавия: «Дерево, которое…» И еще я вижу пистолет. Черный, короткоствольный – как будто из фильма семидесятых годов прошлого века. Я различаю даже буквы на стволе: «Вектор».

Не ведая о том, что я незаметно для них изучаю их потери, Мальтиец с широкой улыбкой смотрит на меня. Его крашеная шавка тоже улыбается, радостно вывалив розовый язык между острыми зубками.

– Нам и правда очень нужна ваша помощь! Скажу больше: без вас у нас ничего не получится. Ваш труд будет оплачен очень, очень щедро.

– Почем я знаю? Не люблю, когда кто-то сует нос в мои дела.

– Вы ведь давали объявление, – улыбается Марабу.

– Мне не нравится, как вы выглядите…

– О, вы про Амиру? Да, вид у нее жутковатый, но на самом деле она просто застенчивая, – отвечает Мальтиец.

– И еще я терпеть не могу мелких собачонок. Так что… спасибо за предложение, но не пошли бы вы к дохлому козлу в задницу?

Мальтиец морщится:

– Фу, какая мерзость! Надо будет запомнить!

– Возьмите. – Дылда тычет мне карточку. – Может, еще передумаете.

– Не передумаю!

Но я передумала.

Глава 2

Миссия Ливингстон [для: eloria@livingstone.drc]
21 марта 2010, 08.11
Кому: адресат не указан
Тема: послание в бутылке
Всем, кого это касается!

«Меня зовут Элория Бангана. Я живу в ДРК, или Демократической Республике Конго. Мне 13 лет. Моих родителей убили, и я встала перед выбором: стать проституткой или переодеться мальчиком и работать на колтановых[1] рудниках.

Мне повезло, потому что для своего возраста я очень маленькая. На вид мне можно дать 9 или 10 лет. Поэтому я пошла работать на рудники. Я заползаю в узкие шахты с лотком для просеивания руды и лопатой. Но чаще я работаю просто руками. Пальцы у меня потрескались и часто кровоточат, потому что я скребу ими грязь.

Нам сказали, что из колтана делают сотовые телефоны. Не знаю, как можно сделать сотовый телефон из грязи. А еще колтан нужен для компьютеров и компьютерных игр. Получается, вся техника работает на грязи. Правда, смешно?

Мой двоюродный брат Фелипе рассказывал, что играл в компьютерную игру в Киншасе. Нажимаешь кнопки – и стреляешь, ходишь, наносишь удары кулаками или ногами. Фелипе это быстро надоело.

Больше компьютерных игр Фелипе любил футбол. Раньше я тоже играла с ним в футбол, только не по-настоящему. Мы называли игру «три жестянки», потому что мы пинали банки из-под консервов. Правила такие же, как в футболе. Может быть, когда-нибудь я вас научу. Больше мы в жестянки не играем: повстанцы говорят, что на игры нет времени. Мы здесь для того, чтобы работать, а не играть. Мой двоюродный брат Фелипе попробовал убежать, и его убили выстрелом в спину. Он умер. Мне было очень грустно. Мы все очень испугались.

За килограмм колтана мне платят семь американских центов. Повстанцы взвешивают колтан на весах, но они жульничают. Сестра Мерсия – она работает в миссии – говорит, что колтан стоит в сто раз больше, чем нам платят. Она говорит, что нас используют как рабов.

Иногда мне бывает трудно ее понять, потому что она из Америки. Она перевела мое письмо, ведь я говорю по-французски, а по-английски совсем не так хорошо. Сестра Мерсия очень добрая и милая. Она учит меня работать на компьютере. А еще штопает мне одежду и иногда дарит апельсины.

Может, вам интересно, почему я вам пишу? Сестра Мерсия говорит, что весь мир должен узнать о том, что у нас здесь происходит. Она просит передать, чтобы вы не беспокоились. Мы не просим денег. Мы просим о помощи.

В наш сиротский приют, где работает сестра Мерсия, – я живу здесь после того, как меня спасли, – пришла беда. Повстанцы перерезали телефонные провода и отрезали нас от мира. У нас остался один сотовый телефон, который мы от них спрятали; в телефоне есть WAP-протокол для выхода в Интернет, поэтому мы можем посылать электронные письма, только надо подняться повыше, на гору, там повстанцы не видят.

Мое письмо – как послание в бутылке. Мы пускаем его в океан и надеемся, что кто-нибудь его найдет.

---

[1] Колтан – сокращенное название колумбита-танталита, ценной руды, сырья для получения тантала, ключевого элемента в производстве конденсаторов, применяемых во многих электронных устройствах. В Конго находятся 80 % всех разведанных мировых запасов колтана.

Но главная беда не в этом. Заведующего нашим приютом, отца Кихота, похитили повстанцы. Они требуют, чтобы мы заплатили им 200 тысяч долларов, и тогда он вернется к нам целым и невредимым.

Отец Кихот не только очень храбрый, но еще и очень умный. Он перевел все приютские деньги на свой банковский счет в Америке, и теперь повстанцы не могут до них добраться. Правда, и мы тоже не можем – ведь у нас только сотовый телефон с WAP-npo-токолом.

У нас есть пароль и код авторизации (сестра Мерсия говорит, вы знаете, что это такое). А значит, добрые самаритяне могут нам помочь.

Нам нужны деньги, чтобы кормить других детей (здесь много совсем маленьких, даже младенцев, и много раненых или больных) и чтобы заплатить выкуп за отца Кихота.

Пожалуйста, помогите нам! Если вы сможете войти в банковский счет отца Кихота, переведите нам часть денег телеграфным переводом. Сестра Мерсия говорит: мы не рассчитываем, что вы поможете нам бесплатно. Она говорит: тому, кто рискнет нам помочь, мы заплатим 80 тысяч долларов. Она просит ответить ей напрямую по электронной почте: dogood@livingstone.drc.

Сестра Мерсия говорит, что мы должны молиться, чтобы мое послание прочел человек добрый, хороший и сильный. Молюсь, чтобы им оказались вы.

Искренне ваша,

Элория Бангана».

Глава 3

Мы с инспектором Тшабалалой сидим в кабинете для допросов. Между нами на столе лежит кольцо миссис Лудицки. Вот уже двенадцать с половиной минут мы молчим. Я считаю секунды: один аллигатор… Два аллигатора… Семьсот пятьдесят один аллигатор…

Инспектор Тшабалала забывает, что я уже сидела за решеткой. Семьсот шестьдесят шесть аллигаторов… Те, у кого есть голова на плечах, занимают за решеткой выжидательную позицию. Если надо, я умею ждать. Я умею выжидать, как никто. Семьсот семьдесят четыре аллигатора… Суетиться начинает Ленивец. Он пыхтит мне в ухо и массирует лапами спину. Восемьсот аллигаторов…

Инспектор Тшабалала ждет, когда же я занервничаю. Когда нарушу молчание. Восемьсот двадцать шесть аллигаторов… От страха я невольно скажу что-нибудь лишнее, проболтаюсь. Восемьсот тридцать девять аллигаторов… Поэтому нужно занять мозги чем-нибудь полезным. Например, счетом. Восемьсот сорок два аллигатора…

Лицо инспектора безупречно, нарочито непроницаемо, как трехмерный макет, который движется лишь с помощью аниматора. Восемьсот шестьдесят аллигаторов… Я наблюдаю за тем, как она наблюдает за мной; пользуюсь возможностью рассмотреть ее получше. Лицо у нее круглое, щеки выпирают, как яблоки, а под глазами как будто набитые мешки. Многочисленные косички на голове заколоты «невидимками». Не очень-то практичная прическа для сотрудницы полиции – правда, она ведь инспектор, а не простая патрульная. В носу, там, где раньше было кольцо, остался шрамик. Восемьсот восемьдесят четыре аллигатора… Может быть, когда она не на дежурстве, она носит в носу бриллиантовый «гвоздик»? А может, она вообще ведет двойную жизнь. Например, придя со службы, балдеет под панк-рок или пишет диссертацию по философии. Девятьсот два аллигатора…

На лацкане ее темно-синего пиджака пятно – похоже, от томатного соуса. Девятьсот одиннадцать аллигаторов… А может, это кровь. Может, перед тем, как идти допрашивать меня, она в соседнем кабинете для допросов зверски избила другую подозреваемую. Девятьсот двадцать два аллигатора… Я бы просканировала ее на предмет потерянных вещей, но все полицейские участки в обязательном порядке оборудованы блокираторами магии – специальным инфразвуковым устройством. Человеческий слух не способен воспринимать сверхнизкие частоты, хотя организм все равно реагирует на низкочастотные звуковые волны. Именно поэтому, как считали ученые, люди испытывают необъяснимый ужас в местах, где обитают привидения и различные божества. Низкие частоты испускают не только потусторонние силы, но и вполне человеческие изобретения: лопасти вентилятора, например, или трубы самого низкого регистра в церковных органах. Девятьсот тридцать два аллигатора… Так считалось раньше, до того, как мир изменился. Тот мир, каким мы его знаем, очень хрупок. Вот появился некий афганский полевой командир с Пингвином в бронежилете – и вся мудрость, накопленная за долгие годы наукой и религией, летит в тартарары. Девятьсот сорок восемь аллигаторов…

Инспектор Тшабалала наклоняется, берет со стола кольцо и рассеянно вертит его между пальцами. Девятьсот пятьдесят три аллигатора… Она вздыхает. Девятьсот шестьдесят один аллигатор… Опускает голову.

– По-моему, оно того не стоит, – говорит инспектор. Ленивец от неожиданности икает. Похоже, он уже задремывал – а что тут такого? Он спит часов по шестнадцать в день.

– Вы так думаете? – Мне приходится откашляться, и от этого я злюсь сама на себя.

– Ты, наверное, думала, что неплохо на нем заработаешь. За него можно выручить пять тысяч рандов – если докажешь, что кольцо твое. Но никаких документов у тебя нет. Максимум, на что ты могла рассчитывать, – восемь сотен в ломбарде. Неужели у тебя так туго с деньгами, Зинзи?

Инспектор Тшабалала то надевает кольцо на палец, то снимает его; дешевый трюк, с помощью которого можно произвести впечатление разве что на школьницу.

– Не знаю, как бы отнесся к этому мистер Лудицки.

– К чему отнесся?

– Что его заложили в ломбард. Плохая карма! Он бы стал меня преследовать. – Я склоняю голову набок и кошусь на Ленивца. – Мне и без того проблем хватает!

– О чем ты?

– Это кольцо сделано из мертвеца. Вы, инспектор, плохо подготовились к допросу!

Она моргает глазами – правда, всего один раз.

– Ну ладно. Говори, что ты собиралась сделать с кольцом?

– Вернуть его. Я выполняла заказ. Я уже все объяснила вашим сотрудникам там, у дома миссис Лудицки… Причем не один раз.

– Вся квартира в твоих отпечатках пальцев.

– Я побывала у нее два дня назад. Она угощала меня чаем – отвратным, кстати. Может, расскажете, как она умерла?

– Лучше ты мне расскажи, Зинзи.

Ленивец покусывает мне плечи – если бы он мог, он бы ногами затолкал меня под стол. Намекает на мою бестактность.

– Ладно, – говорю я, отчего Ленивец впивается мне в плечо по-настоящему. Я дергаю плечом, чтобы стряхнуть его. – Давайте сообразим. Она скончалась у себя дома, в квартире. Ее застрелили? – Я почему-то отчетливо представляю себе старинный пистолет с надписью «Вектор» на стволе, хотя и понимаю, что это нелепо. – Зарезали? Ударили тупым предметом? Она подавилась черствым печеньем?

Инспектор Тшабалала продолжает играть с кольцом: то надевает на палец, то снимает, то зажимает в кулаке. Потом достает из сумки коричневую картонную папку и быстро распахивает ее. В папке снимки – много снимков. Она придвигает их мне под нос и внимательно смотрит, как я отреагирую.

– Вот ты сама и скажи! – говорит она.

В проеме парадной двери лежит тапка из овечьей шерсти. Носок весь в крови; кровь забрызгала стену и картину с кувшинками в рамке.

Пятно крови на стене; похоже, кто-то сползал по ней вниз на пол, оставляя за собой кровавый след.

Черный плащ в ванне; из душа тугой струей хлещет вода, отскакивая от пластика и лужи засохшей крови. Раковина в розовых пятнах.

Застекленная горка валяется на полу. Повсюду кровавые следы. Кто-то пытался уползти.

Осколки фарфоровых статуэток по всей квартире. Буквально везде! На телевизоре розовый зад херувима. С кухонного пола ласково улыбается отбитая голова Крошки Бо-Пип. Рядом разбитые в пыль овечки.

Миссис Лудицки сидит на полу, прислонившись к дивану. Ноги раскинуты в стороны в виде буквы «А». Голова запрокинута назад и вбок под неестественным углом. Если бы не морщины и не раны, можно было бы подумать, что она пьяна в стельку – девочка-подросток на домашней вечеринке перебрала коктейлей. На ней бесформенная шелковая блузка, пропитанная кровью. В нескольких местах блуза прорезана насквозь; видны бюстгальтер телесного цвета и многочисленные раны. На одной ноге тапка, вторая нога босая. Ногти покрыты лаком темно-лилового цвета. Глаза у нее открыты – холодные, остекленевшие, как у Крошки Бо-Пип. Прическа – корочка на крем-брюле – размазалась по подлокотнику.

– Да, теперь вижу, что она не подавилась черствым печеньем, – говорю я. Судя по всему, ее и не застрелили.

Тшабалала резко выдыхает сквозь стиснутые зубы и косится на дверь. Она постукивает по фотографии пальцем и говорит:

– Здесь не обычная кража! Семьдесят шесть ножевых ран! Судя по всему, ей кто-то мстил.

– У нее что-нибудь пропало?

– Мы попросили ее экономку внимательно все осмотреть… Она до сих пор в шоке. За что? Может, хочешь мне что-то сказать?

– Телевизор на месте? DVD-плеер? Украшения?

– Кольцо мы нашли у тебя в кармане, – ухмыляется инспектор Тшабалала.

– Я ее не убивала, – говорю я.

Она тянет паузу. Девяносто семь аллигаторов, девяносто девять, сто двадцать восемь…

– Не забывай, Зинзи, мы прекрасно знаем, на что ты способна, – говорит она наконец. Я ерзаю на дрянном пластмассовом стуле серого цвета. Сколько раз я уже слышала одно и то же – оскомину набило! Она перешла в нападение – значит, у нее абсолютно ничего нет.

– Инспектор, это противоречит конституции!

– Побереги болтовню для правозащитников, любителей зоолюдей.

– Скорее для Общества защиты прав животных.

– Что?

– Я имею в виду защитников прав животных. Собак, ездовых лошадей, кошек, лабораторных крыс. Есть еще принципиальные противники кастрации. Надеюсь, инспектор, вы просто не подумали. За расистские высказывания можно здорово поплатиться… Выговор в личном деле…

– Я только напомнила, что тебе уже случалось убивать.

– Мне дали срок не за убийство, а за соучастие в убийстве.

– Существо у тебя на спине говорит иначе.

– Он Ленивец.

– Он – *твой грех*. Знаешь, скольких людей я застрелила за одиннадцать лет службы в полиции?

– Если угадаю, что мне будет? Наградят медалью?

– Я подстрелила троих. Правда, всех не до смерти.

– Наверное, вам стоит чаще тренироваться в тире.

– Хороший полицейский стреляет не для того, чтобы убить, а для того, чтобы остановить преступника.

– А, значит, вот вы кто – хороший полицейский?

Она всплескивает руками:

– Ты видишь у меня зверя?

– Может, у вас совесть нечиста. Помнится, раньше активно изучали социопатов, психопатов…

– Знаешь, в чем между нами разница? – перебивает она, вертя кольцо между пальцами. – За мной Отлив не явится. – Она раскрывает ладонь и осторожно выкладывает кольцо на самую середину стола.

Я позволяю ей насладиться победой. Один аллигатор… В конце концов, за кем останется последнее слово – лишь вопрос времени. Два аллигатора…

– Не волнуйтесь, инспектор, – говорю я. – У вас еще полно времени, чтобы облажаться.

К тому времени, как я выхожу из полицейского участка района Розебанк, день испорчен окончательно. Кольцо миссис Лудицки копы оставили у себя; кроме того, они конфисковали у меня «вещественное доказательство» – пятьсот рандов – и заставили подписать сто миллиардов протоколов.

Камеры видеонаблюдения на доме миссис Лудицки четко засекли все мои передвижения. Пришла в среду, в одиннадцать ноль три, расписалась, вышла в одиннадцать сорок. Снова пришла сегодня утром в семь тридцать шесть. Уехала в восемь девятнадцать после ожесточенного спора. На меня надели пластиковые наручники и затолкали на заднее сиденье полицейской машины.

На самом деле в конце концов они все же вынуждены были отпустить меня именно из-за моего криминального прошлого. Все подробности обо мне есть у них в деле.

Зинзи Лелету Декабрь, № 26841AJHB
Удостоверение личности № 7812290112070
Оживотнена 14 октября 2006 г.
(см. дело № 900/14/10/2006, Розебанк; убийство Тандо Декабря)
Умеет отыскивать утерянные предметы.

Значит, мои показания подтверждаются. Хотя очаровательная инспектор Тшабалала попрежнему требует, чтобы Бенуа явился в участок и дал показания. Рассказал, где я была в шесть часов тридцать две минуты утра – именно в то время загадочным образом испортились камеры наружного наблюдения, а соседи миссис Лудицки сообщили, что слышали крики. Сначала они заволновались, но потом снова уснули – решили, что по телевизору показывают ужастик, а старушка вконец оглохла и включила звук на полную мощность. Вот что сообщила мне инспектор Тшабалала перед тем, как вышвырнуть меня из участка пинком под зад.

Какие люди козлы!

Глава 4

«Ежедневная правда»
23 марта 2011 г.
Криминальная хроника с Мандлакази Мабусо

Привет, ребята! Вот и прошел еще один кошмарный день в городе-мечте. В пятницу в торговом центре «Килларни» бесчинствовали вооруженные грабители, а вчера та же самая банда совершила налет на Истгейт! Жертв нет, но представьте, какой шок пережили обычные покупатели, пока по торговым залам носились парни с «Калашниковыми». Прежде чем скрыться, банда обчистила ювелирный магазин и закусочную «Чекере». Ну а охранники? – спросите вы. А охранники, пока бандиты развлекались, делали вид, будто ничего не происходит. Понять их можно; по словам очевидцев, с бандитами был лев. Невольно задаешься вопросом: не пора ли, в конце концов, ввести пропускную систему для зоолюдей?

Для разнообразия расскажу об удачном завершении дела на Линден. Вчера одна молодая мамочка возвращалась с ребенком из яслей. Ее машину угнали, но на перекрестке, всего в паре кварталов от места угона, бандиты сжалились и выбросили младенца из машины вместе с детским креслом. И так бывает! Даже у гангстеров иногда есть сердце.

Зато обоняние отсутствует. В одном гараже в Сирилдене полицейские обнаружили партию сгнивших морских ушек стоимостью несколько миллионов рандов. Гараж вскрыли после многочисленных просьб соседей, которые жаловались на сильную вонь протухшей «морской слизи». Как известно, морские ушки считаются сильным афродизиаком. Думаю, не нужно напоминать, что промысел этих моллюсков строго регламентируется… Ха-ха, напомните законы триадам, которые тоннами поставляют морские деликатесы в Китай!

Перехожу к событиям в мире спорта. Оказывается, нападающий нашей сборной по футболу Кабело Нонголоза хорошо бьет не только по мячу. Его подружка, известная тусовщица Квини Мугудамани, во вторник заявила, что футболист нанес ей тяжкие телесные повреждения. В доказательство девушка предъявила следы побоев (синяки) на лице. Похоже, Квини снова придется делать пластическую операцию носа. Лучше бы она научилась, наконец, выбирать нормальных спутников жизни!

Мандлакази Мабусо.

Глава 5

Люди очень доверчивы. Задача стоит только в том, чтобы придумать правдоподобную историю. Тексты типа «помогите-бедной-вдове-бывшего-министра-полу-чить-25 миллионов-наворованных-при-старом-режиме-денег» настолько приелись, что на них не клюнула бы даже моя мать. Я знаю, о чем говорю: обвести вокруг пальца мою мать чрезвычайно легко!

Смахиваю с ноутбука шерсть мангуста вместе с блохами и включаю его. Надо проверить клев.

Я сочиняю шаблоны так называемых «нигерийских писем»: прошу помощи в проведении многомиллионных операций за нескромный процент от сделки. В небольшом городке прорвало плотину; одна пожилая владелица затопленного особняка хочет по дешевке распродать свой бесценный антиквариат. Жительница Чечни бежала от русских погромов, прихватив с собой фамильные бриллианты. Сомалийский пират обрел Иисуса и хочет получить отпущение грехов в обмен на собственную ракетную пусковую установку и миллионы долларов выкупных денег…

Во всех моих сказках есть доля истины. Все они актуальны. Смешно, но в ПЖ – в Прошлой Жизни – я почти не смотрела новости по телевизору. Правда, сотруднице отдела светской хроники новости ни к чему. А нормальные люди не садятся на иглу и потому не должны отдавать долги наркодилеру, сочиняя «нигерийские письма». И не скрывают источника побочных доходов от любимого мужчины, потому что он бы такого занятия точно не одобрил.

Я получила 2581 ответ. Неплохо для 49 812 писем, которые я разослала в понедельник, не считая десятков тысяч, которые не прошли спам-фильтры. Больше половины ответов – 1905 – от физических лиц с актуальными электронными адресами. Из них четырнадцать гневных отповедей, содержание которых варьируется от «да пошли вы, мошенники» до «пудрите мозги кому-нибудь другому». 292 ответа на китайском, 137 – на французском, 102 – на немецком, 64 – на арабском, 48 – на испанском и 12 – на урду. Их я прогоню через электронного переводчика попозже. Остается шесть потенциальных кандидатов. Двое выражают осторожную заинтересованность. Остальные, видимо, пребывают в полном замешательстве. Последние ответы я пересылаю Вуйо, моему «бригадиру». Если бы лохи хотя бы дочитывали письма до конца, они бы отвечали сразу ему.

Среди ответов я вдруг нахожу одно странное послание. И как оно прошло мою спаморезку? Два простых предложения – то ли полная ерунда, то ли поэзия, то ли и то и другое.

Ты питаешься отбросами с самолетов.
Одноразовые вилки оставляют на тебе свой след.

Не вижу никакой ссылки. Как и обратного адреса. И очевидного смысла… Мне становится страшно.

Кроме того, мне пришло письмо от зубного врача. Он вежливо напоминает, что прошло уже полгода после предыдущего визита, пора снова записаться на прием. Мне нужно связаться с мисс Пиллай. Я не была у зубного с тех пор, как три с половиной года назад попала в тюрьму. Письмо от зубного – закодированное требование «немедленно войди в чат». Странно. Зачем? Я не обязана докладывать до следующей недели. Открываю «скайп». Вуйо уже ждет меня в чате. Наверное, параллельно общается с «клиентами».

Вуйо. Да?

Он отвечает сразу же, сухо, как всегда. По-настоящему его зовут, разумеется, не Вуйо, а как-то иначе. И кличек у него, скорее всего, несколько. Вуйо он для таких, как я, сочинителей «писем счастья». Я никогда не видела его вживую. Почему-то представляю, что он сидит в

каком-нибудь просторном интернет-кафе, выходящем на хриплый уличный рынок в Аккре или Лагосе, и обеспечивает бесперебойную работу потогонки по производству «нигерийских писем». Но на самом деле он, скорее всего, сидит в такой же душной квартирке, как моя. Может, он даже живет в одном со мной доме. И тщательно шифруется, чтобы никто ни о чем не догадался.

Калло-99. Приветики! Как дела? Получила очень странное сообщение непонятно от кого. Насчет вилок. Пересылаю.

Вуйо. Не надо! Ты не знаешь, что там такое, девочка. Может быть, вирус. Может быть, плохой мути.

Калло-99. Или просто сообщение о вилках.

Вуйо. Кто знает? А может, это происки конкурентов. Или копов. Кидаю ссылочку – загрузи.

Калло-99. Что за порнография? Не буду грузить неизвестно что!

Вуйо. Внутренний брандмауэр от вирусов и шпионящего ПО. А то сообщение удали.

Калло-99. Кстати, что там насчет зубного? Надо почистить зубной налет?

Вуйо. Ты мне нужна для интервью. В два часа дня. Клуб «Ранд». Формат Фрэнсис. Клиенты хотят с ней встретиться.

Я холодею. Фрэнсис двадцать три года; она беженка и живет в лагере в Кот-д'Ивуаре. Она отлично умеет вести переговоры с лохами по телефону. Заигрывает с мужчинами. Прикидывается скромницей, если потенциальная жертва – женщина. В общем, быстро понимает, что нужно клиенту, хотя работает без особых изысков. Бежала от повстанцев, застряла в лагере беженцев, потому что пытается выяснить, что с ее отцом… В общем, «формат Фрэнсис» – полное говно. То есть мне он не подходит.

Калло-99. Извини. В моем контракте такого пункта нет.

Вуйо. Не обсуждается.

Калло-99. А гонорар?

Вуйо. Вычту из общего долга. Не волнуйся, я считаю.

Калло-99. Неплохо было бы и меня посвятить в твои расчеты. Только не думай, что я тебе не доверяю.

Вуйо. Девочка, не забывай, с кем имеешь дело!

Калло-99. С личным, персональным живодером. Вы, ребята, за бесценок перекупили мой долг за наркоту – хромую лошадь! А теперь держите меня на крючке.

Вуйо. Ничего себе «хромая лошадь»! Твоя лошадка дорого стоит.

Калло-99. Знаешь, сколько стоят настоящие скаковые лошади? 150 тысяч рандов – и то если крупно повезет. Дарю! Так о чем базар? Сколько стоит моя хромая кляча?

Вуйо. 55 764, 18.

Калло-99. А моя доля?

Вуйо. Ха-ха! О чем ты? Твой общий долг – 94 235,82.

Калло-99. Не может быть! Сколько лохов я для вас обула?

Вуйо. Очень даже возможно. Не забывай о процентах. Обычно мы накидываем 45 процентов, но у тебя скидка, потому что ты на нас работаешь. И потом, считается не та рыба, что на крючке, а та, что уже в ведерке.

Калло-99. Пошел ты, Вуйо!

Вуйо. Если дело выгорит, мы получим 50 кусков. Будешь умницей – получишь 10 процентов.

Калло-99. А если не буду?

Вуйо. Будешь, куда ты денешься? Ты ведь у нас профи. Твой дилер нам рассказал, как ты умеешь обрабатывать клиентов: со слезами рассказываешь о больной раком маме, о мертвой

бабушке, о том, как тебя только что ограбили, когда ты шла, чтобы заплатить за кокс. Для тебя – пара пустяков.

Калло-99. А если я откажусь?

Вуйо. Оштрафую на 20 процентов плюс к остальным. Посчитать?

Калло-99. Не надо, поняла.

Вуйо. В два часа в клубе «Ранд». Оденься поприличнее, но не слишком.

Калло-99. Беженский шик?

Вуйо. Умница! Кстати, твоя новая фишка – колтан – идет на ура. Боссу понравилось.

Калло-99. Может, мне еще гордиться проделанной работой?

Вуйо. Выше нос, девочка. Жадность – порок. Они это заслужили.

В глубине души я думаю, что тоже заслужила все, что со мной происходит.

Я выхожу из «скайпа» и удаляю послание про вилки, но только после того, как копирую его в «Ворд». Присланный Вуйо брандмауэр устанавливать пока не хочется. Их методы работы мне известны. Кто знает, что там еще, кроме брандмауэра?

Клуб «Ранд» – пережиток йоханнесбургского «дикого Запада». Раньше клуб часто посещали Родс[2] и другие деятели эпохи колониализма. Наверное, им здесь было уютно. Курили сигары, делили алмазные поля и решали судьбы империй. Тогда здесь собирались по-настоящему важные шишки, а не мелкие жулики типа Вуйо. Когда я вхожу, он ждет меня у изогнутой барной стойки. Я сразу вычисляю его потому, что он здесь лучше всех одет. На нем дорогой костюм и остроносые туфли, похожие на кожаных акул.

Завсегдатаи, которые заскакивают сюда «пропустить стаканчик в обеденный перерыв», так же напоминают о прошлом, как и интерьер клуба: дорогие люстры, позолоченные перила, карикатуры на известных членов клуба, картины маслом – чьи-то конные портреты и сцены охоты на лис. В такой обстановке Вуйо выглядит лисом, который сбежал с картины и, украдкой вернувшись по собственным следам, успел хорошенько поживиться на кухне. Мне он всегда представлялся тощим, сутулым очкариком – наверное, потому, что он вынужден целый день сидеть за компьютером. В жизни Вуйо оказывается совсем другим. У него отличная фигура, широкие плечи пловца, высокие скулы, аккуратная козлиная бородка. Он улыбается мне во весь рот. Его можно было бы даже назвать симпатичным, если бы не бриллиантовая серьга в ухе. Вроде бы и небольшая сережка, и все же сразу портит общее впечатление. Сразу становится ясно: такой выманит у тебя последние штаны и не поморщится.

Я протягиваю ему руку; он берет ее в обе свои, как будто мы старые приятели и знакомы не только заочно.

– Насколько я понимаю, мистер Бакки? – говорю я.

– Фрэнсис! Как я рад тебя видеть! – отвечает он. Говорит он лучше, чем пишет, чему я совсем не удивляюсь. Как не удивляюсь и тому, что он оказался южноафриканцем. Не все же западным африканцам и русским обирать богатых иностранцев!

– Мистер и миссис Барбер ждут нас наверху. Им не терпится, наконец, с тобой познакомиться, – ласково говорит он, как будто толстяки банкиры, сидящие у другого конца изогнутой барной стойки, могут нас услышать. Он ведет меня к парадной лестнице и уже злобно шипит на ухо: – Чего так вырядилась? Забыла, что ты беженка, а не проститутка?

– Мистер Бакки! Неужели вам не нравится мое платье? – Белое платье – самое простое из тех, что нашлись в моем гардеробе. Я решила немного оживить его, надев крупные бусы и

[2] Сесиль Джон Родс (1853–1902) – английский и южноафриканский политический деятель, бизнесмен, инициатор английской колониальной экспансии в Южной Африке. В 1891 г. обширные территории, ставшие британскими колониями, были названы его именем – Северная и Южная Родезия (сейчас Замбия и Зимбабве).

традиционную шаль *швешве*. О моем беженском статусе призвана напомнить сумка в красно-синюю клетку. В ней сидит очень недовольный Ленивец.

– Веди себя поскромнее, – предупреждает Вуйо, он же мистер Эзекиил Бакки, финансовый директор «Банка Аккры».

– Уточни, пожалуйста, что значит «поскромнее». Кого мне изображать, гордую африканскую принцессу, которая хочет вернуться на престол, или невинную девушку, чудом оставшуюся в живых после того, как ее изнасиловал отряд суданских повстанцев?

– Это значит – никаких твоих шуточек. Следи за речью!

– Ты ведь меня ни разу не видел! Ты знаешь о моих писательских талантах, но понятия не имеешь, хорошая ли я актриса!

– Делай, что я говорю. И не раскрывай рта, пока я не обращусь к тебе. Ты нашу с ними переписку читала?

– Да. – Вот бедняги!

Мы входим в просторную библиотеку. Стеллажи уставлены дорогими изданиями; вид у них такой, словно их никто ни разу не открывал. Нас уже ждут «клиенты» – чета пожилых американцев. Миссис Барбер сидит с журналом на коленях; по-моему, она не прочла ни слова. Журнал открыт на развороте, где рекламируется конференция трехлетней давности по экономике реформы окружающей среды. Мистер Барбер стоит спиной к нам и разглядывает большие шахматы.

– Знаешь, милая, по-моему, они из слоновой кости, – говорит он, показывая миссис Барбер белого слона. У него протяжный выговор уроженца Среднего Запада.

– В Африке никогда не знаешь, где найдешь сокровище, – произношу я тоном царицы Савской.

– Ах! – Миссис Барбер взглядывает на меня. – Ах! – Она подходит ко мне, неуклюже обнимает и разражается слезами. Я смущенно, но очень грациозно переминаюсь с ноги на ногу, как и подобает девушке, пережившей ужас потери трона, семьи и – временно – громадного состояния, вернуть которое помогут мистер и миссис Барбер, считающие, что им крупно повезло.

– Друзья мои, – бормочу я. – Друзья мои!

Мистер Барбер тяжело садится, не выпуская из рук слона. Вид у него ошеломленный. Я мягко высвобождаюсь из пылких объятий миссис Барбер, но она тут же хватает меня за руку. Не без труда подвожу ее к дивану. Мы обе садимся.

– Итак, она, наконец, здесь, – говорит Вуйо. – Как я и обещал вам, она жива и невредима.

– Мы не были уверены. Мы не знали. После всего… – Миссис Барбер не заканчивает фразу и, дрожа всем телом, снова разражается рыданиями.

– На фотографиях вы выглядели по-другому, – говорит мистер Барбер, в чьей тупой голове, наконец, вспыхивает искра подозрения. Если вспомнить, что Вуйо уже вытянул из них почти девяносто тысяч рандов «на оформление документов» – анкет, паспортов, а также на взятки чиновникам и обмен валюты, а требуется еще сто сорок одна тысяча… В общем, подозрения мистера Барбера имеют под собой основания.

– Да, – с достоинством отвечаю я. – Я через многое прошла.

Миссис Барбер хлопает меня по руке, я кладу голову ей на плечо и закрываю глаза, словно вспоминая пережитые мной ужасы. Из клетчатой сумки доносится презрительное фырканье. Я делаю вид, что не слышу.

– Вы привезли деньги? – спрашивает Вуйо.

– М-да, но… – Мистер Барбер весь извивается.

– Откуда эти «но»? Мы же не лошади! Или вы лошадь? Джерри, через три дня на вашем счете будет два с половиной миллиона долларов!

– Дело в том, что нам пришлось снять всю нашу пенсию…

– Все наши сбережения…

– Джерри, посмотрите на эту девушку. Посмотрите на нее! Вы спасли ее, вытащили ее из ада! Вы с Черил сделали доброе дело. Дело, способное перевернуть всю жизнь. – Вуйо кладет руки Джерри на плечи и слегка встряхивает, словно подчеркивая свои слова. Сейчас он похож одновременно на евангелиста и корпоративного специалиста по формированию командного духа в коллективе. – А у меня для вас отличная новость. Вот ваши сертификаты из Резервного банка, как вы и просили. Все в порядке! Джерри, дело почти сделано!

– Дело почти сделано, Джерри, – повторяет за ним Черил.

Она косится на меня, и подбородок у нее снова дрожит. Я мысленно представляю, что мою улыбку с двух сторон фиксируют скобки, и опускаю голову, как будто тоже волнуюсь, как Черил. Ну прямо театр абсурда! И все же я испытываю какое-то извращенное удовольствие. Как в юности, когда вешала родителям лапшу на уши: врала, что мне нужны деньги на ремонт машины, например, или на обучение в магистратуре журфака – а я туда даже не записывалась…

Джерри придирчиво разглядывает сертификаты. Они подделаны безукоризненно, есть даже голографическая печать Резервного банка.

– Я, естественно, покажу их своему адвокату, – говорит он, но я понимаю, что он блефует. Запах денег слишком силен и заглушает шепоток сомнения нахально, как вувузела.

– Показать-то можно… – говорит Вуйо, и его почти симпатичное лицо морщится в озабоченной гримасе.

– В чем дело, мистер Бакки?

– Прошу вас, называйте меня просто Эзекиил. Мы же с вами друзья.

– Итак, в чем дело, Эзекиил?

– Из-за этого может возникнуть отсрочка.

Черил испускает протяжный стон.

– Большая отсрочка?

– Несколько недель, не больше… Два месяца максимум.

– Погодите, погодите минутку, мы ведь уже и так на многое согласились! Это все, что у нас есть. Наши пенсии, наши сбережения. Я занял денег у сына! Вы понимаете, чего нам стоило прилететь сюда? Причем уже в третий раз!

– Мистер Барбер, вы все время относитесь к делу с редким пониманием. Просто сейчас в Гане конец фискального года, и правительство ограничивает все банковские сделки на период урегулирования.

– Ничего глупее я в жизни не слышал!

– Джерри! – одергивает его Черил.

– Это же Гана! – Вуйо пожимает плечами.

– И что же нам делать?

Вуйо надолго задумывается и вдруг хлопает себя ладонью по лбу:

– Придумал! Наш банк выпускает облигации на предъявителя. Я выдам вам облигации на всю сумму вашего денежного вклада! На обналичку уйдет месяц, зато они не подпадают под ограничения, введенные правительством на восстановительный период. Так что вам ничто не грозит. И мы можем приступить к заключительному этапу операции!

– Не знаю… все как-то сложно. Может, нам лучше подождать?

– Ожидание – вот что было хуже всего, – рассеянно роняю я.

– Что, дорогая? – Черил сжимает мне руку.

– Мы не знали, убьют нас или нет… Над нами постоянно издевались, нас насиловали. По очереди. Иногда выдергивали кого-нибудь наугад. Иногда заставляли нас самих выбирать, решать, кто будет следующей жертвой. Но брали не ту, кого выбирали мы, а другую. И с этим приходилось жить – жить, зная, что ты кого-то предала.

– Ах, моя милая! Ах, моя милая! – Черил задыхается, прикрывает рот ладонью. – Ах… представляю себе нашу Мэнди! Джерри, ты представляешь? Ах!

– Я хочу сказать вам спасибо, – говорю я, глядя на свои руки, стиснутые на коленях.

– Ах! – кудахчет Черил. – Ах ты, господи!

– Ладно, – вздыхает Джерри. – Значит, облигации на предъявителя?

– Всего на семьдесят два часа. А потом вы получите два с половиной миллиона долларов! – отвечает Вуйо.

Пока мужчины обсуждают, как лучше обменять сумку с наличными на фальшивые облигации несуществующего банка, я заказываю для нас с Черил чай.

– Можно спросить, как вы намерены поступить с деньгами? – спрашиваю я у Черил.

– Купим дом для всей семьи. Для нас, Аманды, Саймона и их детей. Конечно, за два с половиной миллиона баксов можно купить и виллу в Малибу. Но мы хотим остаться в Ороре. Тогда Мэнди сможет переехать к нам из Чикаго, и мы будем проводить больше времени с внуками. Погодите минутку, у меня есть фото. – Черил достает свой телефон и показывает в нем снимок несчастного младенца, пускающего слюни, и улыбчивой девчушки с косичками и родимым пятном на щеке в виде клубничины. – Это Арчи, а это Бекки – дети Аманды. А вот Саймон… Саймон и его подруга собираются усыновить ребенка.

– Какие красивые, – говорю я, возвращая телефон.

– А как же вы, дорогая?

– Попробую начать новую жизнь, здесь это сделать гораздо проще.

– А что же приют?

– Ах да, приют… Гм… Мы подыскиваем для него здание. Можно сказать, уже нашли. Бывший дом престарелых, который можно отремонтировать. Там очень красиво. При доме есть большой парк с бассейном… Он недалеко от ботанического сада. Там будет чудесно! Мне хочется, чтобы он был похож на дом, в котором я выросла.

– Как приятно, когда у тебя вдруг появляются возможности!

– Да.

Мы обе умолкаем.

– Вам очень трудно было бежать оттуда?

– Черил, прошу вас, об этом слишком больно говорить. – Я закрываю лицо руками. Раздвинув пальцы, я вижу, как сумка снова начинает извиваться. Чтобы Ленивец прекратил, я пихаю его носком туфли.

– Ах… да, конечно! – Она кладет руку мне на плечо и снова неуклюже притягивает к себе, поглаживает по спине. – Ничего, ничего, – говорит она. – Успокойтесь, успокойтесь!

– Все устроено! – Джерри широко улыбается, как человек, с чьих плеч свалился невероятный груз. Да, сомнение – штука тяжелая. – Можно помочь вам, Фрэнсис? – Он хватает клетчатую сумку, и я не успеваю ему помешать. – Ух ты! Что у вас там – все ваше имущество?

– Джерри! – восклицает ошеломленная Черил.

– Ах, извините, я вовсе не хотел… – Но тут Ленивец, недовольно ворча, высовывает из сумки морду.

Джерри роняет сумку. К счастью, до пола всего пять дюймов, но Ленивец визжит так, будто упал с водопада Виктория.

– Матерь Божья! Что там такое?

– Джерри Барбер! Ты прекрасно знаешь, что там такое! Ах, Фрэнсис, вы должны были нам сразу сказать! – Вуйо незаметно для Барберов гримасничает, намекая на то, что мне лучше быстрее все уладить.

– Мне… было стыдно, – бормочу я.

– Что вы, детка, вам совершенно нечего стыдиться! Это не значит, что вы плохая. Это просто значит, что вы когда-то совершили дурной поступок. – Черил сурово смотрит на Джерри. – Вы умница, славная, хорошая девочка! – В глазах у нее снова блестят слезы.

Мы смотрим вслед Джерри и Черил, которые выезжают со стоянки, забитой «БМВ-Х5» и «Ауди-А4», в своем белом арендованном «фольксвагене-поло». И весело машем руками, пока они не поворачивают за угол.

– А ты и правда умница, – говорит Вуйо, передразнивая Черил.

– Заткнись, Вуйо!

– Надо будет повторить.

– Где мои двадцать процентов?

– Может быть, в следующий раз.

– Я подписывалась только на один раз. Спектакля на бис не будет.

– А как же твой должок? Девяносто четыре тысячи с лишним – сумма немалая.

– Лучше я придумаю для вас другие «рыбы»…

– А я удвою тебе процент.

– А мне плевать!

– Что, уже забыла про своего братца? – коварно спрашивает Вуйо. – Того, который умер?

– Пошел ты!

– Кстати, как поживает твой любовник – тот иностранец, *мквереквере*? Как его – Бенуа, что ли? Будь осторожна, Зинзи! Ты ведь помнишь, что было в прошлый раз, когда ты стала поперек дороги серьезным людям!

Вуйо садится в «БМВ-Х5» – у него их несколько. На всякий случай запоминаю номер. Скорее всего, он фальшивый, но я обожаю собирать информацию. YZG899 GP. Я стучу в окошко. Он опускает стекло.

– Ну, что еще?

– Подвези меня!

– Купи себе машину, – отвечает он и уезжает прочь.

Глава 6

Несмотря на раннее время – сейчас всего три часа, – в «Маказе» уже не протолкнуться. Вот что бывает, когда в округе не хватает нормальных мест, где можно отдохнуть. Пивнушек и церквей по соседству хватает, но «Мак» пользуется особой популярностью, и по-моему благодаря жареной курице по-лагосски и красивому виду. Бар находится на втором этаже бывшего торгового центра, оставшегося с тех пор, когда Хилл-броу еще считался шикарным районом. Когда-то здесь были дорогие отели, рестораны, модные уличные кафе и торговые центры, набитые до самой крыши предметами роскоши. Даже у Зоосити была Прошлая Жизнь.

Несколько лет назад много шумели о переделке и облагораживании района; дело закончилось тем, что к нам повадились «красные муравьи». Их так прозвали из-за красных шлемов. Они пытались выселить теперешних обитателей, самовольно захвативших квартиры в бывших шикарных домах. Довольные домовладельцы в предвкушении будущего расцвета замуровывали кирпичом входы в жилые башни… Но выселенные всегда находили способ вернуться. Предприимчивости нам не занимать. Иногда приходится кстати и дурная репутация…

Бар устроили в бывшей громадной витрине, выходящей на улицу. Раньше в витрине, как в универмаге «Мейси», вращались предметы роскоши и стильные аксессуары; помню, как-то под Рождество сюда впихнули даже «шевроле» с откидным верхом. За рулем сидел Санта-Клаус в темных очках и гавайской рубашке.

Для создания определенной атмосферы в «Маке» сохранили кусочки прошлого. В витрине стоят два манекена, мужской и женский. Мужской манекен без обеих рук, зато одет в аккуратные вельветовые брюки, ярко-зеленый свитер и мягкую шляпу с полями. У женского манекена лицо пошло пятнами; на нем изъеденное молью белое мини-платье и высокие сапоги-ботфорты. Оба манекена застыли в вызывающей позе – когда-то она считалась верхом крутизны. И все равно на фоне посетителей манекены выглядят шикарно. Завсегдатаи далеко не так хорошо одеваются.

Я сажаю Ленивца в небольшой загончик у входа. Он сразу же цепляется за ветку пластмассового дерева. Дерево украшено разноцветной гирляндой. Живых обитателей на нем хватает. Одутловатая Белка быстро запихивает в рот остатки шоколадного батончика, укоризненно верещит на Ленивца и скачет наверх, мимо занятой чисткой перьев Майны и африканского Бумсланга[3], безжизненным шлангом повисшего в развилке между ветвями.

– Держись от него подальше, приятель! – предупреждаю я. Разумеется, все животные среди себе подобных в основном придерживаются неписаного кодекса поведения, но… все же звери есть звери. И среди них встречаются придурки. В самом углу, в опилках, свернулся калачиком Мангуст. При нашем появлении он на секунду приоткрывает глаза и притворяется, что снова засыпает.

Бенуа и двое его приятелей, сосед по комнате Эммануил и мелкий гангстер Д'Найс, сидят в своем обычном углу, у стола для настольного футбола. Я беру у стойки бутылку тоника (как бы джин-тоник, только без джина) и подсаживаюсь к ним. Кондиционер, как обычно, сломан; их бутылки с пивом запотели. Мартышка-верветка Д'Найса сидит на столе среди пустых бутылок и играет с подставкой, украденной из отеля «Карлтон» примерно в 1987 году.

По телевизору гремит рэп; на фоне декорации, изображающей горящий город, раскачиваются потные тела. В огромных шаровых молниях высвечивается панорама Лас-Вегаса. Рэпера в леопардовой майке и цепях окружают девицы; к его ногам прильнула Гиена.

Животное показывают крупным планом; гиена скалится, обнажая желтые клыки. Девицы все больше распаляются – наверное, от страха. К счастью, пожар ненастоящий. Пламя лижет

[3] Бумсланг – южноафриканская древесная змея.

плоские вращающиеся животы танцовщиц, фонтаны искр высвечивают упругие попки, выпирающие из шортиков.

– Неужели он тоже зоо? – спрашиваю я, вместо приветствия, тыча в телевизор.

– Шутишь?! – Эммануил потрясен до глубины души. Он очень милый мальчик из Руанды; ему всего двадцать лет. Подрабатывает где придется. Животного у него нет, но кто сказал, что это обязательно? У нас в Зоосити царит толерантность. Так сказать, взаимные гарантии дошедших до ручки…

– Не смеши меня, Эммануил. Мне тридцать два года. Я больше не обязана знать каждого засранца!

– Зинзи, ты что?! Как можно не знать Стрелка?!

– Что это за кличка такая – Стрелок? Он что, бандит?

– Зинзи, ты делаешь мне больно. Твои слова меня жестоко ранят!

– Ах, Эммануил, ты еще не знаешь, как я умею ранить!

– Да, он самый настоящий зоо! – вскидывается Эммануил. – Ниггер получил пулю в голову и выжил, а теперь рассказывает, что он пережил, ясно? Пуля прошла навылет. Череп пришлось собирать буквально по кусочкам!

В разговор, размахивая пивной бутылкой, встревает Д'Найс:

– Представь себе, у гиены челюсти мощнее, чем у льва. Прокусывает череп насквозь, до самого костного мозга! – Увидев, что он пролил пиво, его Мартышка оживляется. Хватает подставку и очень осторожно сгибается над коричневой лужицей.

– В черепе нет костного мозга, – говорит Бенуа.

До меня доходит, что все трое уже под мухой.

– Да ладно, ты ведь понял, что я имею в виду, – бормочет Д'Найс.

Мартышка топчется в пивной лужице. Опускает туда лапку, подносит к глазам, долго рассматривает, дрожа от радостного предвкушения, и вылизывает ладонь розовым язычком. Да они все хорошо набрались!

– Слушай дальше! – говорит Эммануил. – Стрелок решил отомстить, понятно? В больнице его сделали киборгом – вживили в башку целую кучу металла. Вот он решает найти тех ниггеров, которые его подстрелили. Находит их в каком-то притоне в Южном Централе. Заходит прямо в парадную дверь. И – бабах! – Эммануил изображает, как Стрелок разносит своих врагов с помощью воображаемого пистолета, такого огромного, что держать его приходится обеими руками. – Всех замочил, всех восьмерых! Половина из них даже ничего понять не успела, а вторая половина только и успела потянуться за своими пушками; может, кто-то вскочил с места, но он все там разнес на хрен. И девки все разбежались – как были, в чем мать родила. Представляешь, бегут голые девки, все в крови, и визжат как резаные!

– По-моему, это кино я уже когда-то видела.

Улыбка сползает с лица Эммануила, и он становится похож на побитого щенка, которого пинком ноги сбрасывают в сточную канаву. Он жалобно вздыхает. На экране Стрелка с Гиеной сменяет молодежный дуэт. Молодые парень и девушка исполняют квайто[4]. Они очень красивые и агрессивные.

– Зинзи, прекрати изображать из себя злобную циничную старуху. – Судя по запаху, Бенуа успел принять три, а то и четыре бутылки пенного напитка. – Ты прости ее, Эммануил. Она твердолобая, ее не убедишь!

– Ха! Как будто ты меня пытаешься в чем-то убедить. Извини, Эммануил. Я не нарочно обидела твоего кумира. – Я дружески бью Эммануила кулаком в плечо. Эммануил сразу оживает. Чтобы доказать, что он меня простил, он делится со мной новыми подробностями бога-

[4] Квайто – самая популярная музыка в Южной Африке: вариант хауса в сочетании с традиционными африканскими ритмами. Квайто зародилось в пригородах-гетто и стало одним из символов борьбы с апартеидом.

той биографии Стрелка и уверяет, что все так и было. Я дожидаюсь, пока он выдыхается и умолкает, чтобы набрать воздуха в грудь, и с покровительственным видом кладу руку на плечо Бенуа: – У вас, ребята, важный разговор, или я могу его увести?

– Куда торопиться, Зи-зи?

Д'Найс относится к тем людям, которые обожают давать другим дурацкие клички, хотя их об этом никто не просит. А еще он сразу чует всякие сомнительные предприятия. Он, как всегда, в своей круглой шерстяной шапочке, а из-за вечно приоткрытого рта у него дурацкий вид. Но в дураках остаются те, кто клюет на его внешность и недооценивает его.

– Посиди, выпей с нами! – предлагает Д'Найс.

Я поднимаю бутылку тоника:

– Спасибо, Найси-Найс, у меня все с собой… – Вдруг я чувствую, как голова начинает гудеть. Как будто туда проникло мелкое насекомое и грызет, грызет… Мартышка внезапно напрягается, подается вперед, прищуривает пьяные глазки. Животное за работой. – А ну прекрати! – требую я.

– Что прекратить? – спрашивает Д'Найс с невинным видом, как будто не пытается меня прощупать. Но голова у меня перестает болеть, а Мартышка с разочарованным видом откидывается назад. Злобно косится на Д'Найса и снова начинает возиться в пивной лужице. – Как ты сегодня хорошо выглядишь, Зи-зи! – Д'Найс нарочно мне льстит, чтобы отвлечь внимание от себя. Эммануил не в курсе его уловок.

Д'Найс – настоящий гад. Его дар, его шави, заключается в том, что он высасывает из других радость – впитывает в себя чужие положительные эмоции, как губка. Естественно, если его спросить, в чем его талант, он соврет. Обычно Д'Найс говорит, что его шави – умение добывать нужные сведения. По-моему, он и это умеет. Он собирает информацию на улицах и продает за наличные всем, кто готов платить. Но сплетни он любит патологически, без всякой магии.

Можно подумать, энергетические вампиры и сами усваивают хотя бы часть высосанной из других радости. Д'Найс совсем не такой. Насколько я могу судить, Бенуа – его единственный друг; по крайней мере, единственный человек, который в трезвом виде терпит его дольше двадцати минут.

– Ты ведь меня знаешь, Д'Найс. Я зверюшка тусовочная… Кстати, о зверюшках. По-моему, твоя слегка перебрала.

Мартышка опрокидывает бутылку.

– Да пошла она! – отвечает Д'Найс, пытаясь выхватить бутылку, но прежде Мартышка успевает перевернуть ее, заодно повалив, как костяшки домино, три стакана и остатки моего тоника.

Эммануил с криком вскакивает, опрокинув стул, и хватает со стола бутылки, спасая пиво. Звенит разбитое стекло. Громко вопит Д'Найс – то обзывая Мартышку идиоткой, то требуя, чтобы ему немедленно дали тряпку вытереть лужу – и еще пива всем, за счет заведения! Потому что ничего бы не случилось, если бы стол не был шатким, как и вся здешняя дерьмовая мебель. Макази, хозяйка бара, с ним не согласна. Она зовет вышибалу Карлоса, лысого здоровяка-португальца. Эммануил поступает мудро: он исчезает – то ли в туалет, то ли купить еще пива.

Во всеобщем хаосе у нас с Бенуа появляется секунда, чтобы перекинуться парой слов.

– Как ты? – спрашивает он. Бенуа у меня очень чуткий, до него сразу доходят даже самые тонкие намеки. Если бы он еще лучше подбирал себе друзей… Но как говорится, никто не идеален.

– Бывают паршивые дни, но такого у меня еще не было.

– Что с миссис Лудицки?

– Умерла. Точнее, ее убили. Я уже почти дошла до нее, как вдруг связь… оборвалась. – Я снова чувствую внутри толчок – представьте себе инфаркт, который по ошибке спустился в кишечник.

– Так вот где ты пропада…

– Сидела в участке. Три часа меня допрашивали, но так ничего и не нарыли. Кстати, инспектор просит тебя в ближайшие дни зайти к ней и подробно рассказать, где я была сегодня утром и чем занималась.

Бенуа молчит, только рассеянно ощупывает пальцами шрамы от ожогов. На шее у него пластмассовый рубец, как у куклы Барби; рубец блестит под воротом рубашки.

– Извини, Бенуа. Понимаю, для тебя такие походы – только лишний геморрой. – Большим пальцем он медленно чертит круги на шее, поднимаясь к подбородку, и я теряю терпение. – В чем дело? У тебя документы не в порядке? Ты вроде говорил, что неделю назад их продлили… Ладно, не хочешь подтверждать мое алиби, попрошу какого-нибудь другого любовника!

Бенуа рассеянно улыбается. О других любовниках я вру очень убедительно. Но после того, как у меня появился Ленивец, я веду такую моногамную жизнь, что готова кинуться даже на банан, который используют в качестве учебного пособия, когда учат предохраняться от СПИДа.

– Мне сегодня позвонили, – наконец говорит Бенуа.

– Кто? – воинственно спрашиваю я, хотя уже все знаю. Я все знаю заранее.

– Перестань, Зинзи. Мне звонила жена.

У меня снова, во второй раз за день, возникает то же чувство. Сердечный приступ в кишках. В животе тянущая боль; все крутит и ноет. Ленивец в загоне поднимает голову и вопросительно верещит. Я едва заметно качаю головой.

– Замечательно, Бенуа! Ты, наверное… – Продолжить можно по-разному, но никакие слова не сумеют в полной мере описать тот коктейль, что бурлит у меня внутри, прожигая стенки желудка. Представьте себе смесь дешевого рома и серной кислоты. Ну кто мог подумать? Кто мог догадаться, что она спустя столько времени окажется жива? Во всяком случае, не я. Потому что я не ищу пропавших людей.

– Эй! Кто-то умер? – спрашивает Д'Найс, ставя на стол несколько бутылок с пивом и жестом приказывая Эммануилу раздать их. Одну придвигают мне.

– Не докуривай чужие бычки, – советую я. – Пальцы обожжешь!

– Бенуа сказал, что ему звонила жена? – Д'Найс хитро улыбается. Оказывается, о звонке известно всем, кроме меня! – Правда, отличная новость?

– Замечательная! – говорю я. Сердечный приступ поднялся на свое законное место и расцвел у меня в груди, как ядовитый цветок. – Изумительная! Но сейчас у меня дела. Бенуа, встретимся позже.

Я наклоняюсь поцеловать его. Губы у него сладкие, с дрожжевым привкусом. Неужели и с ним придется завязывать?

Глава 7

Я возвращаюсь домой и вдруг слышу сухой треск автоматной очереди, похожий на треск лопающегося в микроволновке попкорна. Вместе с другими более-менее разумными прохожими ныряю в торговый центр «Палисейдз».

Копы обычно автоматическим оружием не пользуются; либо это бандитские разборки, либо налет. Но инкассаторские машины чаще берут на шоссе, там больше возможностей быстро скрыться с места происшествия. Правда, бандиты все больше наглеют. Грабят средь бела дня в самом центре города. Автоматные очереди давно утвердились в ночной симфонии Зоосити, как цикады в сельской местности. Но с недавних пор их все чаще слышно и днем.

Мы напряженно вслушиваемся в перестрелку, забившись в проход между закусочной «Мистер Пирог», обувным магазином («Обувь по разумной цене») и бюро путешествий «Поехали!». Сотрудники бюро путешествий, видимо, поняли название буквально и слиняли. В общем, никакого бюро путешествий здесь давно уже нет. Реклама экзотических курортов и сказочных скидок перемежается объявлениями о том, что площадь сдается.

Из лифта выходит старушка; она прижимает к груди сумку с лекарствами. Неужели сунется на улицу? Попадет под перекрестный огонь! После долгих уговоров она, наконец, сдается, ворча и негодуя, и снова входит в лифт. Может, надеется, что в следующий раз, когда раздвинутся дверцы, она окажется в другом месте. Если бы!

Мы с Бенуа тоже познакомились в лифте. В «Элизиуме». Тогда у него еще была работа, а я прятала Ленивца под мешковатой толстовкой. Я только что вернулась из «Сан-Сити» – я, разумеется, имею в виду тюрьму, а не игорную столицу страны. В тюрьме «Сан-Сити», она же «Дипклоф», нет ни аквапарков, ни стриптизерш. Я три года загорала там за государственный счет. По-моему, нашей пенитенциарной[5] системе есть куда развиваться. Тюремная реформа была бы эффективнее, если бы всех заранее обучали полезным навыкам – например, как бить ногой в пах и переживать период ломки.

В наши дни заключенных стали называть «клиентами». Как будто от этого что-то изменилось! Клиентов, как и раньше, кормят помоями и держат по пятьдесят семь человек в камере, рассчитанной на двадцать; они по-прежнему вынуждены гулять в мрачном бетонном дворике, откуда манит внешний мир – нужно только подлезть под проволочную ограду и не попасться на глаза охраннику на вышке. Когда принудительные каникулы за государственный счет заканчиваются, клиентов, как и раньше, вышвыривают на улицу пинком под зад. И никому ты не нужен, кроме инспектора по условно-досрочному освобождению, у которого обязан регулярно отмечаться. Никому нет до тебя никакого дела. Никого не волнует, чем ты займешься дальше.

Родителям я не звонила. Мы с ними не разговаривали с той весенней ночи 2006 года, когда они увидели меня в машине скорой помощи с задернутыми шторками на стоянке клиники имени Шарлотты Махеке. На коленях у меня тогда свернулся калачиком Ленивец – так сказать, моя личная алая буква[6]. Вскоре оказалось, что мне некуда податься, кроме Зоосити. Правда, я все поняла не сразу, а лишь после того, как мне отказали в пятом по счету агентстве недвижимости. Сотрудники, брезгливо покосившись на Ленивца, сообщили, что в приличном районе мне ничего подходящего не найти, и посоветовали попытать счастья в Хиллброу.

Я не сразу остановила свой выбор на «Элизиум-Хайтс». Надеялась найти что-нибудь почище. Но когда охранник «Элизиума» согласился показать мне пустую квартиру на шестом этаже, мне сразу стало как-то спокойно. Меня не смутила ни колючая проволока, ни выбитые

---

[5] Пенитенциарная – уголовно-исполнительная от *лат.* poenitentia – раскаяние.

[6] «Алая буква» – роман американского писателя Н. Готорна, опубликованный в 1850 г. Героиня за измену мужу обязана носить вышитую на одежде букву «А» (от слова «адюльтер»).

стекла. Понравилось, что несколько башен связаны между собой внутренними переходами. «Элизиум» во многом напоминает тюрьму. Только отсюда можно выйти – двери открываются изнутри.

В тот же день я вселилась в квартиру. В кошельке у меня оставалось несколько монет, на спине сидел Ленивец. Почти весь первый день я пряталась внутри квартиры, стараясь сообразить, что делать дальше. В тюрьме привыкаешь плыть по течению. Все по звонку: работа, обед и так далее. Ты катишься, словно шарик в пинбол-автомате. Я скучала по тюремным звонкам.

Под вечер, набравшись храбрости, я решила выйти, да и то лишь потому, что Ленивец проголодался. В «Сан-Сити» животных кормили жухлыми листьями, дохлыми жуками, сеном или сырой мелкой рыбешкой – в зависимости от предпочтений. С этой точки зрения в тюрьме было неплохо. Ну а на свободе о животных приходится заботиться самостоятельно. Приходится самим искать жухлые листья и помои.

Вооружившись мятой и исцарапанной пластиковой карточкой-ключом, с помощью которой можно пройти через неповоротливый турникет «Элизиума», тоже напомнивший мне о тюрьме и потому приятный, я заперла квартиру и надела на себя мешковатую толстовку, закрывая Ленивца. Тот обиженно засопел.

– Не повезло, приятель, – сказала я. Тогда я еще не привыкла к тому, что не могу от него избавиться. Не привыкла и появляться с ним на публике. Мне еще не было безразлично, как ко мне относятся другие – пусть даже эти другие тоже наделены вечными спутниками-животными…

Лифт долго не приходил. Я увидела, что его недавно отремонтировали. Металлические части блестели и казались новыми на фоне облупившихся двухцветных стен. Я уже собиралась спуститься по лестнице, когда дверцы вдруг разъехались и из кабины вышла группа мужчин – все с животными.

В «Сан-Сити» я иногда посещала службы новых адвентистов. Тех, кто высиживал до конца и службу, и последующую душеспасительную беседу, прилично кормили, даже угощали фруктами и овощами. Так вот, новые адвентисты считают, что животные – физическое воплощение наших грехов. Их версия лишь чуть менее ужасна, чем та, согласно которой наши животные – ведьминские талисманы, обрекающие нас на вечные муки, пытки и адский огонь. Службы новых адвентистов для меня тоже стали пыткой. Они продолжались часами; нам твердили о животных, о наказании, которое мы должны постоянно носить с собой, как тот Паломник в «Пути паломника», что таскал с собой мешок с грехами. Очевидно, животные-паразиты пристали к нам потому, что мы и сами – паразиты, худшие из худших… Правда, адвентисты потом уверяли, что спастись могут все, но я еще не встретила ни одного человека, чье животное бы чудесным способом исчезло, как мешок с грехами у Паломника. Во всяком случае, до того, как нас унесет Отливом.

Мужчины, которые стояли в кабине лифта, как будто вовсе не тяготились своими животными. Впереди шагал великан с обожженными шеей и грудью; в слинге, в каком обычно носят младенцев, он тащил Мангуста. И он, и остальные несли своих животных, как другие носят оружие.

Его Мангуст зарычал на меня; возможно, я и замялась на миг перед тем, как войти в кабину. Моя нерешительность не осталась незамеченной. Я повернулась лицом к дверцам; они захлопнулись. Я стояла спиной к мужчинам и их зверинцу, хотя и видела их искаженные отражения. Как будто попала в «комнату смеха» с гравюрами Босха.

– Разве вы не боитесь ехать в одном лифте с нами, зоо? – Голос у великана оказался мягким, как речной ил.

– Это вам надо меня бояться, – отрезала я, даже не потрудившись обернуться.

В отражении я увидела, как растягивается лицо великана, как будто он улыбается. Улыбка все расползалась, пока не поглотила все лицо. Наконец, он расхохотался. Его спутники тоже

заулыбались. Не широко, но все-таки достаточно, чтобы я перестала беспокоиться. С тех пор я уже не прячу Ленивца.

В следующий раз я увидела Бенуа через несколько недель. Отремонтированный лифт успел сломаться; я с грохотом волокла по пожарной лестнице переносной генератор. Подниматься приходилось приставными шагами. Слыша металлический лязг, Ленивец болезненно морщился.

– Для чего это? – дружелюбно спросил великан, догоняя меня.

На нем была форма охранной фирмы цвета хаки; она казалась ему маловатой. На табличке с именем я увидела изображение спартанского шлема, название фирмы – «Охранное агентство «Часовой» – и имя «Элайас». Я обрадовалась тому, что великан не предложил мне помочь… Хотя мог бы, конечно, и предложить.

– Для работы.

– Брезгуешь воровать электричество?

– Боюсь, как бы током не дернуло!

Почти все жильцы наших домов подключаются к электросети нелегально; провода тянутся из квартиры в квартиру. Иногда самодельные провода висят даже между соседними зданиями, словно канаты в захудалом цирке.

– Если хочешь, сделаю тебе жучок. Будешь мобильник подзаряжать, чтобы не бегать без конца вниз, в магазин сотовой связи.

– Нет, не хочу одалживаться. Спасибо!

– Ладно! – ответил он, проходя мимо меня, насвистывая и помахивая дубинкой. На то, чтобы дотащить до квартиры тяжеленный генератор, у меня ушло целых двадцать минут.

В третий раз он явился ко мне домой. Взял и явился средь бела дня. Я открыла дверь и увидела, что под мышкой у него электроплитка, а Мангуст у него на груди отчего-то дуется.

– Я знаю, тебе неохота одалживаться, – сказал он. – А если, наоборот, я попрошу у тебя об одолжении?

– Смотря о каком, – ответила я. – Чего тебе надо?

– У меня есть плитка.

– Вижу.

– И все, что нужно для ужина. – Он показал на сумку с продуктами, стоящую у его ног. – Вот только включить плитку некуда. – Он широко улыбнулся.

– Что, брезгуешь воровать электричество?

– Вор из меня никудышный. Зато повар хоть куда!

Оказалось, что и повар из него никудышный… Как, впрочем, и из меня.

Зато в остальном с Бенуа оказалось на удивление легко. С обретением шави я стала жуткой стервой. Такими делаются большинство носителей шави. Но я не очень-то верила в людей еще до того, как увидела идущие от них ниточки потерянных вещей, похожие на трещины от камня на лобовом стекле автомобиля. От Бенуа никаких нитей не шло. Потерянные вещи у него имелись; они, едва различимые, вились в воздухе вокруг его головы. А нитей не было. В прошлом он, должно быть, совершил страшное преступление, за которое получил Мангуста, но со своим грехом он справлялся хорошо. Свыкся, как со старой, много раз стиранной рубашкой. И это не случайное совпадение. Кроме того, оказалось, что его зовут не Элайасом. Элайасом звали парня, которого он замещал, когда тот болел. Остальное время Бенуа крутился как мог. Выполнял разовые поручения, разносил товары, что-то охранял, грузил, продавал. Правда, законов не нарушал… ну, почти не нарушал. Он уверял, что до тех пор, пока не встретил меня, не соблазнил ни одну женщину.

На самом деле я первая его поцеловала.

– Не ожидал, что ты окажешься такой передовой, – удивился Бенуа.

– Лучше быть передовой, чем отсталой, – ответила я. Его рубцы от ожогов на ощупь напоминали целлофан. Я спросила: – Наверное, любишь хвастаться своими шрамами?

– Я не один такой. – Он дотронулся до моего изуродованного левого уха. – Часть мочки мне оторвало пулей.

Но о жене и детях он рассказал мне только в январе, через четыре с половиной месяца после того, как мы с ним стали спать вместе.

Помню, мы вместе выбирали фрукты у торговца на улице, когда он вдруг объявил: его теща в Валакасе раньше тоже торговала фруктами и овощами.

– Значит, у тебя и жена имеется?

– Возможно. Не знаю.

– Ни о какой жене ты мне не говорил. – Мне казалось, я говорю умеренно громко, а оказывается, вопила во весь голос – все лоточники на нашей улице навострили уши. Даже крепкий молодой наркодилер на углу с неестественно глазастым Галаго вывернул шею в нашу сторону. Ленивец тут же спрятал голову у меня на шее. Он терпеть не может, когда я скандалю. – Бенуа, по-моему, ты должен был раньше рассказать мне, что женат!

– Ты не спрашивала, – невозмутимо возразил Бенуа, повертел в руках манго и осторожно сдавил плод в руках, проверяя, достаточно ли он спелый.

– Я думала, мы играем по правилам: прошлая жизнь забыта, и никаких вопросов.

– Почему?

– Потому что твоя прошлая жизнь меня не касается! Я ничего не желала знать.

– А теперь желаешь. В чем же виноват я? – Он положил один плод манго, выбрал другой и протянул его мне. Лоточник изо всех сил притворялся, будто не подслушивает. – Как тебе вот этот?

– По-моему, мягковат.

– А какая разница, если бы ты даже и знала, шери на нгайи?

Будь я нормальной женщиной, мне бы полагалось ответить: «Очень большая разница!» Но я никогда не умела убедительно врать. И никогда не была нормальной.

– Так я и подумал, – сказал Бенуа. – Это ничего не меняет, Зинзи. – Он нагнулся поцеловать меня, но я дернула головой, и он прижал к моим губам манго.

– Идиот! – сказала я, тщательно вытирая губы – главным образом, для того, чтобы скрыть улыбку.

– Прелюбодейка, – ухмыльнулся он.

– Нет, безвольная соучастница!

– Вчера ночью ты не была такой уж безвольной. Кроме того, в Конго полигамия разрешена.

– Я уже говорила, что ты идиот?

– Я заслужил. – На сей раз он все-таки поцеловал меня.

Я отдала продавцу двенадцать баксов за манго и прижалась к Бенуа. Недовольный Ленивец переполз мне на бок.

– Мы очень банальны, да?

– Разве все не банальны? – в свою очередь спросил он.

Подробности всплыли позже, да и то обрывочные; картинки мелькали, как в стробоскопе. Последний раз Бенуа видел жену и детей, когда они убегали в лес, петляя между деревьями. Потом боевики ДФОР – Демократического фронта освобождения Руанды – уложили его на землю прикладами ружей, облили парафином и подожгли.

Бенуа потерял родных более пяти лет назад. Он писал письма дальним родственникам и друзьям, посылал запросы в благотворительные организации, в лагеря беженцев. Он пересмотрел кучу анкет на благотворительных сайтах. Многие беженцы боялись называться настоящими именами, боялись преследования. Фотографий в анкетах тоже не было. Приходилось

искать соответствия по дате рождения, количеству детей, профессии… И все же через сайты благотворительных организаций родственникам иногда удавалось найти друг друга. До сих пор Бенуа не везло. Жена и трое малолетних детей как сквозь землю провалились. Он считал их мертвыми, думал, что навсегда потерял их.

Почему я ничего не почувствовала? Почему решила, что он цел, невредим и хорошо устроен? Потому что его дар заключается в том, что он невосприимчив к действию шави других зоолюдей. Магия на него не действует. Только этого никто не должен знать! Если бы был способ искусственно воспроизводить его дар, за ним бы стали охотиться и гангстеры, и правительства разных стран. Заполняя анкету на предоставление статуса беженца, он солгал, что его дар заключается в обаянии. В умении обаять ему действительно не откажешь.

Раньше мне казалось, что его прошлое для меня не важно. Но теперь, когда его жена больше не абстракция из страшного прошлого, оно вдруг приобретает огромное значение. В том-то и беда с призраками из Прошлых Жизней – они возвращаются и предъявляют на тебя свои права.

Я стою в торговом центре и прислушиваюсь. Перестрелка прекратилась; вдали завывают сирены. Толпа потихоньку рассасывается. Самые предусмотрительные успели запастись острыми пирожками с мясом из «Мистера Пирога». Кто говорит, что преступность плохо отражается на торговле? Мне и самой очень хотелось купить пирожок, но я отвлеклась на бюро путешествий «Поехали!». Точнее, читала список курортов.

Среди названий встречается давно потрепанная экзотика: Занзибар, Париж, Бали. «Потрясающие скидки! Аэропортовский сбор в цену не входит».

Есть места, куда туристов не приглашают: Хараре, Ямуссукро, Киншаса. Они – для любителей альтернативного отдыха. Если это можно назвать отдыхом…

Взятки пограничникам в цену не входят.

Меня будит скрип двери. Не знаю, который час; я едва вспоминаю, как заснула, читая глянцевый журнал трехмесячной давности. Журнал пестрит статьями о скандалах в семьях наших местных знаменитостей и о падении нравов в целом. На нашем этаже журнал передается из рук в руки ради романа с продолжением под названием «Запретная любовь: мой зооро-ман». Героиня – состоятельная служащая банка; ее возлюбленный – перевоспитавшийся гангстер, который водит на поводке серебристого шакала. Вот цитатка из этого опуса: «Помимо сопротивления родителей, пришлось преодолевать еще и аллергию!» Бульварная пресса во всей красе.

Свет до сих пор горит, что не очень хорошо для моего генератора. Надо подкупить солярки для генератора и еды для себя… Ругаясь себе под нос и спотыкаясь, я бреду к двери.

Мангуст сидит по стойке «смирно» на том месте, где раньше у меня лежал придверный коврик. Включаю и коврик в мысленный список покупок. Уже третий за полгода! Наверное, на этот раз я куплю коврик с вплетенным в него заклинанием от воров. Коврики делает соседка из квартиры напротив; говорят, ее заклинания действуют, в отличие от массовой продукции, которой торгуют в «Парк-Стейшен».

Припадая на задние лапы, Мангуст крадется к пожарной лестнице. Там он останавливается и выжидательно смотрит на меня через плечо.

– Еще чего! – говорю я. На мне футболка, трусы и носки, а на лестнице околеть можно от холода.

Мангуст сидит и терпеливо ждет.

– Ладно, ладно, хрен с тобой! – Я закрываю дверь и срываю со старой вешалки желтую кожаную куртку. Сонно ворчит Ленивец. – Все нормально, приятель! По-моему, я и одна

справлюсь с операцией под названием «Водворение домой пьяного сожителя»! – Ленивец одобрительно чавкает и снова засыпает.

Я застегиваю куртку, решив обойтись без джинсов. Правда, куртка доходит мне только до бедер, но все важные места закрыты. Скоро я пожалею о своем скоропалительном решении, а также о том, что не надела туфли. Потому что Бенуа сидит не у меня перед дверью и даже не на моей лестничной площадке; он у самого подножия лестницы. Сидит на ступеньках и раскачивается, как пьяный ковбой. Кепка угрожающе надвинута на глаза. В руке потухший окурок. Судя по налитым кровью, бессмысленным глазам, он не просыхает с самого утра.

– Т-туфли потеряла? – мрачно спрашивает он.

– Всякое бывает, – кратко отвечаю я. Объясняться не стоит.

– П-по-моему, их украли. Здесь все в-воруют!

– По-моему, ты пьян! Хочешь, я тебя уложу?

– К с-себе.

– Тебе не терпится встретить рассвет и увидеть в шесть утра башню Понти?

– Н-надо ее выключить…

– Лучше купить занавески. Пошли, пошли! – Я пытаюсь поднять его на ноги, пользуясь перилами как рычагом. А потом мы начинаем подъем – очень осторожно, ведь предстоит подняться на шесть пролетов. Мангуст скачет впереди.

Стоит мне открыть дверь квартиры, как Мангуст шныряет внутрь и прыгает на мой теплый ноутбук. Я его не выгоняю – главным образом, потому, что тащу Бенуа. Раз шажок, два шажок…

От мысли уложить его в постель я отказываюсь сразу. Гораздо легче стащить матрас на пол и свалить его на матрас.

– Х-хотел поговорить, – бормочет он, плюхаясь на матрас и едва не ударившись головой о стену.

– Времени у нас полно, – отвечаю я, наливая воды из бутылки в жестяную кружку: домовладелец снова отключил воду. Подношу кружку к его губам; он выпивает воду залпом. Я укрываю его; сбоку ставлю ведро, чтобы легче было блевать, потом стаскиваю грязные носки и ложусь рядом с ним.

– У т-тебя ноги холодные! – жалуется он.

– Хорошо, хоть их не украли.

Именно в этот момент генератор, что-то пробормотав напоследок, затихает. Закончилась солярка. Мы погружаемся в темноту. Зато мне не нужно снова вставать и выключать свет.

Глава 8

«Ближе к реальности»: база данных документальных фильмов

Название: «Полевой командир с Пингвином: тайна Дехкана Байята» (2003).

Рейтинг: 7/10 (17 264 голоса).

Режиссеры: Ян Стивен, Самара Хайя.

Сценарий: Ян Стивен (голос за кадром), Николай Вуд.

Интервью: Дехкан Байят, Гуль-ага Байят, генерал Рашид Достум по прозвищу Борец, лейтенант Эл Стюарт, Мэтиас Вимс, бригадир Йон Чейф (читать далее).

Продолжительность фильма: 180 минут.

Язык: английский/дари/пушту с субтитрами.

Производство: «Лиг Пикчерз», Лондон.

Страна: Великобритания.

Классификация: для взрослых/без ограничения возраста.

Жанр: Политика/культура/история.

Формат: 1,85/1.

Звук: Dolby SR.

Съемки производились в Афганистане, Пакистане, Нью-Йорке, Лондоне, Гуантанамо.

Дата выпуска: 9 октября 2002 г. (Великобритания, BBCI); 14 марта 2003 г. (США/прочие страны).

Награды: «Оскар» за лучший документальный фильм – 2004 г.; кинофестиваль Sundance – 2003 г.; Международная ассоциация кинодокументалистов – 2003 г.; BAFTA – 2004 г.; Genie – 2004 г.; Golden Gate – 2004 г. [читать далее].

Теги: полевой командир; герой; «Нулевой пациент»[7]; жизнь и смерть Дехкана Байята.

Содержание (осторожно, содержит спойлеры![8]):

Дехкан Байят, бывший студент Нью-Йоркской киноакадемии, превратился в афганского полевого командира, который повсюду разъезжал на мотоцикле с автоматом. Прославился в конце 1990-х годов – и не потому, что участвовал в наркотрафике и сражался как с «Талибаном», так и с войсками НАТО, а из-за Пингвина, который сопутствовал ему всегда и везде.

После того как среди британских солдат пошли слухи о полевом командире, которого неизменно сопровождает нелетающая птица из Антарктиды в бронежилете, журналист Ян Стивен разыскал Байята в «опиумной» провинции Гельманд. Целых два года журналист сопровождал Байята в пустыне и в горных убежищах, стараясь раскрыть тайну человека и птицы.

В фильме рассказывается о жизни и смерти Дехкана Байята. Потомка старинного иранского рода, когда-то противостоявшего Чингисхану, несколько некорректно называют «нулевым пациентом», так как он стал первым известным носителем зоочумы – болезни, позже получившей название СПА, или синдрома приобретенного апосимбиоза.

Байят несколько раз попадал в объектив кинокамеры; он скармливал своему Пингвину полоски мяса, утверждая, что это мясо его врагов. О нем ходили слухи, будто он умеет пытать человека, не прикасаясь к нему. Говорили о черной магии, особой мутации, галлюциногенных грибах, выращенных в Голливуде, на студии спецэффектов, а также о сочетании всего вышеперечисленного.

---

[7] «Нулевой пациент» – название американского фильма 1993 г. о первом гее-носителе СПИДа в Америке, умершем в 1982 г.

[8] Спойлер – в Интернете информация, раскрывающая подробности сюжета художественного произведения.

После того как талибы из засады убили Пингвина, смерть Байята от так называемой «черной тучи» показали в прямом эфире во всех странах мира. Тогда это событие было впервые зафиксировано на камеру. Результатом стала паника. В одних странах стали спешно создавать карантинные лагеря для носителей зоочумы. В других местах их казнят.

Байята, возможно, незаслуженно сравнивают с Гаэтаном Дугласом, канадским бортпроводником, который, как считается, завез СПИД в США. На деле же Байят стал ярким примером носителя эпидемии, которая не имеет ничего общего с болезнью.

Вначале считали, что Пингвин – обычная птица, любимец харизматичного психопата. Некоторые полагали, что так называемые животные-спутники получили широкое распространение в Афганистане после ядерных испытаний, проводимых соседним Пакистаном в горах Чагаи в 1998 году.

Теперь доказано, что случаи так называемого «оживотнения» имели место еще в середине 80-х годов XX века. В поддержку последней точки зрения говорят данные, собранные антропологами на Новой Гвинее, Мали и на Филиппинах. Самый ранний зафиксированный случай, который ранее не находил объяснения, относится к печально известному австралийскому убийце Кевину Уоррену, застреленному в 1986 году в Брисбене после неудачной попытки ограбить банк. Вместе с Уорреном застрелили и его «любимца» – Кенгуру-валлаби. Байят, чьи «подвиги» гремели двенадцать лет спустя, не стал первым оживотненным.

Кем был Байят на самом деле?

Фильм не только развенчивает мифы, окружавшие Байята в охваченном огнем Афганистане. Он также дает представление о том, что такое оживотнение, и о связанном с этим явлением онтологическом скачке.

Фильм содержит интервью с родственниками и ближайшими соратниками Байята, с полевыми командирами, британскими военными и бойцами «Талибана». Он рисует убедительный портрет человека, оказавшегося в эпицентре скачка.

Цитаты:

«Почему я бросил Нью-Йоркскую киноакадемию? (Смеется.) Потому что меня попросил отец. Потому что здесь моя родина. Потому что здесь я – рок-звезда. У меня под началом 18 тысяч человек! Меня уважают. Целые деревни платят мне дань. Здесь я могу оттрахать или убить, кого захочу!» (Дехкан Байят).

«Считайте его моим талисманом. В Америке многие носят в кармане кроличью лапку «на удачу». А я вожу с собой Пингвина в специально подобранном бронежилете» (Дехкан Байят).

«Вы совершенно напрасно делаете из него героя… плейбоя, колдуна, полевого командира. Он наркоторговец, насильник, убийца! Испорченный засранец, у которого есть личная армия. Он держит всех в страхе благодаря парочке старых трюков, высосанных из задницы» (лейтенант Эл Стюарт).

Отзывы зрителей (всего 1218)
(удалено модератором)

20 марта 2010 г.
Jodiestar 1991: 10/10
Потряс!!! Обалденное кино! Теперь я тащусь от зоолюдей. См. бесплатно зоопорно! Проверьте сами! http: zoo. Ur78KG
[3 комментария]
(12 из 16 зрителей нашли этот отзыв полезным)

14 февраля 2010 г.

Rebeca Wilson: 7/10

Беспристрастный показ харизматичного лидера

Третье из четырех путешествий Яна Стивена в «горячие точки» (Израиль – Либерия – Афганистан – Бирма), наверное, стало самым душераздирающим благодаря беспристрастному показу человека, которого осыпали бранью, обожали, но которого мало кто понимал.

Роль Байята в формировании общественного мнения по отношению к явлению, получившему в СМИ название «скачок», трудно переоценить. Там, где одни видят романтического героя, бывшего студента киноакадемии, ставшего борцом за свободу, другие видят символ непознанного. На время, до того, как зоолюдей стало много, Байят стал символом человеческой морали.

Но был ли Пингвин для него тем же, что говорящий Сверчок для Пиноккио, или же дьяволом у него на плече?

Фильм избегает отвечать на прямо поставленные вопросы, как и сам Байят. Когда речь заходит о его птице, он предоставляет зрителю самому решать… [ЧИТАТЬ ДАЛЕЕ]

[9 комментариев]

(12 из 527 зрителей нашли этот отзыв полезным)

28 декабря 2009 г.

Патриот 777: 0/10

Люди, опомнитесь!

Зоо – не такие, как мы. Одно название чего стоит – зоо! Оживотненные! Апосимбиотики! Какой бы политкорректный термин для них ни придумали, остается главное – они не люди. Не случайно сокращение «апо» происходит как будто от слова «Апокалипсис». Под предлогом «борьбы за права зоолюдей» сейчас ведется настоящая война против добропорядочных граждан!

Как во Второзаконии: «И не вноси мерзости в дом твой, дабы не подпасть заклятию, как она. Отвращайся сего и гнушайся сего; ибо это заклятое»[9]. Также в Исходе: «Ворожеи не оставляй в живых»[10]. Нужно ли мне вам растолковывать? Талисманы! Отлив – дорога в Ад! Уничтожение мерзких. Бог милосерден, но только к настоящим, неподдельным, НЕИСПОРЧЕННЫМ человеческим существам! Апо – преступники, они даже не животные! Они – вещи, и получают по… [ЧИТАТЬ ДАЛЕЕ]

[1031 комментарий]

(720 из 936 человек нашли этот отзыв полезным)

23 декабря 2009 г.

ТихВоу 10/10

Пингвин-каннибал! Вот и все.

[118 комментариев]

[Читать все отзывы]

Рекомендации

Если вам понравился фильм «Ближе к реальности», советует также посмотреть:

«Скачок» (2001)

«Бестиарии» (1998)

«Зоологика: от китайских тюрем до чикагских гетто»

(2007)

«Большой белый тотем» (2003)

[9] Втор., 7:26.

[10] Исх., 22:18.

«Траффик» (2006)

«Полевой командир Каяна» (1989)

«Под влиянием «Золотого компаса»: произведения Ф. Пуллмана в контексте онтологического скачка» (2005)

«Выпуская когти: борьба за права оживотненных» (2008)

Глава 9

– Разрешите, я прокричу ура! Я очень рад, что вы позвонили! – Мальтиец несется по Эмпайр в старом «мерседесе», превышая скорость где-то километров на пятьдесят в час. Шавка сидит у него на коленях, вывалив язык, и смотрит в окно. Они настояли на том, чтобы заехать за мной, хотя, если бы я поехала на такси, времени ушло бы на полчаса меньше.

– М-м-м… Мы думали, что придется вас долго уговаривать, – подает голос Марабу с заднего сиденья.

Ее Птица расправляет крылья и снова складывает их; перья скребут по потолку салона. Машина не предназначена для перевозки аистов, питающихся падалью, которым нужно время от времени расправлять крылья. В салоне ужасно воняет: сладковато-гнилостный запах смешивается с запахом дорогой кожи и цитрусового одеколона Мальтийца. Он замечает, как я морщусь, одними губами произносит: «Птичье дыхание» – и подмигивает.

Ленивец издает гортанный клекот и впивается мне в плечо длинными когтями – совсем как кот. Из-за него я перестала играть в покер. Никто так не способен разоблачить твой блеф, как огромная меховая игрушка с когтями. Я как будто невзначай берусь за дверцу. Машина несется дальше, не обращая внимания на светофоры. Ленивец прячет морду у меня на шее. Стараюсь забыть о том, что меня всегда укачивает в машине. Просматриваю газетные заголовки: «Дело о коррупции развалилось», «Бездомный сгорел заживо», «Облава на наркодилеров в аэропорту».

– И все-таки я не люблю маленьких собачек, – говорю я.

– Да на здоровье, – на удивление весело и беззаботно отвечает Мальтиец. – Все равно работать вы будете не на нас.

– А может, я вообще ни на кого не буду работать. Я еду просто так, посмотреть!

– Ух, какая колючая! Прелесть!

Мы подъезжаем к шлагбауму, закрывающему въезд в огороженный жилой комплекс. У охранника в кармане форменного комбинезона сидит Крыса; ее розовый нос высовывается над названием «Часовой». Из зоолюдей получаются хорошие охранники; их особенно много в самом крупном охранном агентстве «Часовой». Видимо, из практических соображений там относятся к зоолюдям непредвзято.

Песик ощетинивается; когда охранник наклоняется, чтобы заглянуть в салон, он подпрыгивает, бешено рычит и разражается лаем. Крыса моргает, топорща усики, но не двигается.

– Сидеть, малыш! Извини, Пьер. Ты ведь знаешь, какой он возбудимый…

– Меня зовут Жуан, мистер Мазибуко. Но я не в обиде.

– Боже! Прости, прости меня, пожалуйста! Как я мог забыть такого красавчика! Обещаю, теперь я запомню, как тебя зовут! – Он окидывает охранника оценивающим взглядом. – Ты петь, случайно, не умеешь?

– Марк! – резко и хрипло окликает его Марабу с заднего сиденья.

– Нет, конечно нет… Как глупо с моей стороны! Не важно, Фелипе. То есть Жуан… Все равно. Пожалуйста, передай мистеру Хьюрону, что мы приехали. Если, конечно, ты ничего не имеешь против своей работы, милый.

– Слушаю, сэр!

Охранник с безучастным видом отступает на шаг назад от машины, что-то говорит в рацию и поднимает шлагбаум. «Мерседес» въезжает внутрь. Что-то в его движениях и отрывистой манере говорить подсказывает мне: перед нами бывший военный. У нас в Африке так бывает часто. Много войн. Много бывших солдат остается не у дел…

Машина едет дальше – чуть быстрее, чем требуется. С грохотом пролетает по «лежачему полицейскому» под шлагбаумом, и вот мы уже в самом сердце огороженного буржуазного при-

городного поселка. Здесь растут дубы, палисандровые деревья и вязы. Когда-то нам все уши прожужжали о том, что здесь самые большие леса в мире, высаженные рукой человека.

Здешние газоны аккуратнее, чем стрижка кое-где у порнозвезды. Поселок окружен десятиметровым бетонным забором; поверху забора тянется колючая проволока, по которой пущен ток. За этими стенами может случиться все, что угодно, а вы ничего и не узнаете. Может, для того их и возводили.

– Хьюрон… Оди Хьюрон? Его зовут как известного музыкального делягу?

– Продюсера, – поправляет меня Марабу.

– Помню, помню… Покойная Лили Нобомву работала на него?

– Трагическая потеря.

– Его, кажется, называли нашим Говардом Хьюзом?[11]

– Он – человек с положением. – Марабу элегантно передергивает плечами. Птица через секунду копирует ее жест, словно крылатый сиамский близнец.

Мы поворачиваем в тупик, проезжаем мимо открытого участка, заросшего травой, – такой стоит не меньше пяти миллионов, – и останавливаемся перед довольно низким забором из песчаника, увитого плющом – настоящим плющом. За металлическими коваными воротами виден ухоженный газон, а за ним – особняк работы сэра Герберта Бейкера, знаменитого английского архитектора. Судя по всему, особняк построен в самом начале двадцатого века. За домом высится невысокий холм, или коппие. На фоне лужаек холм, поросший лесом, выделяется, как волосатая бородавка на безупречно холеном лице.

– Что мне надо найти? – спрашиваю я.

– Не что, а кого, – поправляет Марабу.

– Так кого же?

– Ах, милочка! «Терпенье – добродетель. Добродетель – дар»… – отвечает Марабу. Старый стишок в ее исполнении звучит немного странно.

Мальтиец досадливо морщится. Должно быть, они с Марабу привыкли пикироваться, как брат и сестра или супруги, прожившие вместе много лет. Во всяком случае, Марабу умолкает. Мальтиец говорит:

– Он славный, милочка. Тебе понравится.

– Главное – чтобы не пришлось искать собачонку, – говорю я.

– Гарантирую – никаких собачонок! – Мальтиец нажимает кнопку на пульте; железные ворота со скрипом открываются, и мы въезжаем в поместье.

Мы подъезжаем к дому сбоку и останавливаемся у пристройки – гаража на четыре машины. Гараж очень приземистый и уродливый; он вступает в явный диссонанс с творением сэра Герберта Бейкера. Одна из дверей открыта; за ней виден ухоженный темно-синий «даймлер» с деревянными панелями. Хьюрон явно любит передвигаться со всеми удобствами… Странно, о нем известно, что в последнее время он вообще никуда не ездит. Какой-то здоровяк в изящной шоферской кепочке моет колеса. При нашем приближении здоровяк встает и жестом показывает Мальтийцу, чтобы тот поставил свой «мерседес» слева. Потом берет ведро и удаляется в гараж, расплескивая за собой мыльную воду.

– Какой приветливый малый!

– По должности он вовсе не обязан быть приветливым, – отвечает Марабу. Она открывает заднюю дверцу и выскальзывает из машины, прижимая лысую голову Аиста к груди, чтобы он не ударился о дверцу.

Мальтиец не спешит вылезать; он барабанит большими пальцами по рулевому колесу.

---

[11] Говард Хьюз (1905–1976) – американский промышленник-предприниматель, инженер, авиатор, режиссер, кинопродюсер, один из самых богатых людей в мире, известный своим эксцентричным поведением.

– Идите-ка вы вперед. А я спрошу у Джона, не согласится ли он навести марафет на «мерседес», пока тут крутится с ведром.

– Его зовут Джеймс! – раздраженно поправляет его Марабу.

– Да все равно… Я вас догоню!

– Вход там! – Марабу ведет меня за угол, на дорожку.

Мы подходим к дому. Вблизи особняк кажется каким-то заброшенным. Между камнями проросли осот и одуванчики. У меня почему-то портится настроение. И лужайки здесь неухоженные, пожелтевшие. В жухлой траве гуляет одинокий ибис – ищет насекомых. Вдали, за дырявой сеткой, я вижу старый теннисный корт с потрескавшимся бетонным покрытием. Обвисшая сетка напоминает пивной животик бывшего спортсмена. В воздухе витает колдовской запах брунфельсии, которую называют еще «вчера-сегодня-завтра». Ее лиловые и белые цветки повсюду… Ленивец что-то недовольно клекочет. Я знаю, ему тоже не по себе. Он, как и я, чувствует себя заброшенным.

Из чистой вредности я пристаю к Марабу:

– И все-таки, чем конкретно вы занимаетесь? Что именно поставляете? Ценные кадры для крупных компаний? Антиквариат? Ведете переговоры по освобождению заложников?

– Все, что хотите… наша деятельность немного похожа на вашу, мисс Декабрь. – Аист издает гортанный клекот, отчего бородка на шее раскачивается.

– Ну хорошо… Назовите три ваших последних дела!

– Мы придерживаемся в своей работе принципа неразглашения и действуем крайне тактично… Надеюсь и вы тоже!

– Если хорошо платят – почему бы и нет, – соглашаюсь я. – Но может, хотя бы намекнете?

– Мы оказываем нашим клиентам разносторонние услуги. В том числе и услуги по сопровождению. Так, с некоторыми музыкантами мистера Хьюрона мы ездили в концертный тур. А недавно сопровождали одного подопечного на важные переговоры в Берлин…

– Такие услуги оказывают отделы по связям с общественностью в звукозаписывающих компаниях, а вы, кажется, уверяли, что занимаетесь какими-то поставками.

– До этого мы контрабандой ввезли из Испании партию распятий семнадцатого века в контейнере с керамической плиткой.

– Правда?!

– Возможно. А может быть, я нарочно вас обманываю, чтобы заинтриговать. Как вы проверите?

Мы подходим к тяжелой деревянной двери с витражным слуховым окошком. Марабу нажимает кнопку звонка. Мы слышим, как внутри дома эхом отдается звон колокольчика. Через секунду дверь распахивается. На пороге стоит коротко стриженная блондинка в ярко-красном брючном костюме. Кажется, она рада нас видеть; улыбается, как будто ей глотку щекочет солнечный луч.

– Ух ты, класс! Вы так рано – супер! Оди сейчас кое-что закончит и выйдет.

– Кармен – одна из протеже мистера Хьюрона, – поясняет Марабу, видя недоуменное выражение моего лица.

– Ах да-а-а, извините, – спохватывается Кармен, одаряя меня белоснежной улыбкой. – Вы кто – пресса?

– Уже нет.

Она тут же теряет ко мне интерес, хотя улыбка становится лишь чуть-чуть суше.

– Входите, входите же! Если хотите, пойдемте в патио, я принесу вам чаю.

Она идет вперед, цокая высоченными шпильками. Туфли на ней красные, лакированные.

В сравнении с шикарной юной красоткой дом кажется несколько старомодным. Выцветшие персидские ковры на деревянном полу приглушают цокот каблучков Кармен. На мой вкус, мебели в доме многовато; повсюду какие-то тяжелые диваны тикового дерева и массив-

ные потолочные балки. Ленивец крепче прижимается ко мне. Я смутно чувствую неприятный запах, как будто где-то что-то протухло, и наконец соображаю: так пахнет застоявшаяся вода в вазе из-под цветов.

По пути я заглядываю в столовую, где под громадной люстрой стоит стол из кладрастиса на двенадцать персон; люстра напоминает свадебный торт, перевернутый вверх тормашками. В лучах солнца медленно летают пылинки, которым удалось преодолеть заслон плюща и пуленепробиваемых стекол. Кто-то разбросал на столе изюм в шоколаде – видимо, давно, потому что с виду он совсем окаменевший.

– Мистер Хьюрон только что переехал сюда?

– О нет! Он здесь уже сто лет живет! – отвечает Кармен. – Понимаю, о чем вы подумали. Типа – не очень рок-н-ролльно.

– Знаете, именно так я и подумала.

– Знаю-знаю. Когда я первый раз пришла на прослушивание, меня это тоже напрягало. А потом Оди объяснил, что у него такая философия. Главное – музыка, а не…

– Не… что?

– Не имидж. Не глянец. Не гламур. Никаких внешних стимуляторов!

Коридор увешан памятными табличками и наградами, золотыми дисками, платиновыми дисками, сертификатами Южноафриканской музыкальной премии, Эм-ти-ви и «Кора»; названия и имена, которые я вижу на сертификатах, знакомы даже дикарям в музыкальном отношении вроде меня: «Джамп Фиш», «Детектив Вулф», «Ассегай», «Келекетла», «Моро», Закес Цукуду, Лили Нобомву, «и-Юси», Нокс. Премии датированы 1981, 1986, 1989, 1990,1992,1995,1998 годами. А после 1998 года – перерыв в несколько лет. И снова: 2003, 2004, 2005, 2008.

– Почему такой перерыв?

– В тот период времени у мистера Хьюрона были другие интересы, – отвечает Марабу.

– А еще он болел, – подхватывает Кармен. – Но вы не волнуйтесь, сейчас он… типа почти совсем выздоровел.

Мы проходим кабинет, уставленный видеоаппаратурой. По стенам стеллажи; на полках я вижу папки и всякие странные безделушки. А потом коридор резко обрывается; мы входим в еще одну гостиную с застекленными дверями, которые ведут на освещенный солнцем дворик с бассейном. Я вижу гамак, а рядом с ним – слегка поцарапанный серебряный кофейный столик. Вокруг столика толпятся низкие диванчики и пуфы, обитые шоколадного цвета кожей. Из двух высоких и узких динамиков, которые обалденно передают низкие частоты, льется бархатистый ритм-н-блюз.

– Пришли, – говорит Кармен, распахивая застекленные двери. Наскоро стряхивает листья с подушек на тяжелых металлических креслах, стоящих вокруг металлического же стола у шпалеры, увитой виноградом.

Отсюда открывается очень живописный вид на холм, густо поросший травой и алоэ. Напротив, у самого его подножия, я замечаю низкое здание со стеклянными раздвижными дверями, очень похожее на бункер. Определенно его проектировал не Герберт Бейкер!

– Там творятся чудеса! – Кармен, словно заправский гид, машет рукой в сторону бункера. – Звукозаписывающая студия «Моджа»! Если попросите как следует, Оди, может быть, и сводит вас на экскурсию… Я сейчас! – Она мило подмигивает и, цокая каблуками, скрывается в полумраке дома.

Бассейн – огромный, старомодный квадрат с мозаичным плиточным дном. Посередине – фонтан: две девы льют в бассейн воду из кувшинов. Но плитка обколота, лазурь поблекла до глаукомного мутно-синего цвета. И вода очень неприятная на вид. Она зеленого цвета; почти вся поверхность усыпана гниющими листьями. Каменные девы покрыты мхом и лишайником.

Мох заполз в складки их платьев и в сгибы локтей, покрыл головы; они похожи на помешанных на сохранении молодости теток в косметических масках…

Я стряхиваю Ленивца на стол. Он растягивается на животе и точит длинные когти о железные завитки. Марабу садится в шезлонг и тут же подается вперед – видимо, чтобы не давить на Аиста, привязанного ремнями к ее спине.

– Вы его когда-нибудь снимаете?

– Не его, а ее. Только когда сплю.

– Что с ее лапами?

– Поссорилась с другим животным. Ей больше досталось. Если вам интересно, они не подрались.

– Интересно… Странно, что такое не случается на каждом шагу. Хищники и травоядные волей-неволей вынуждены общаться. Может, нам лучше их разделять?

Марабу неопределенно хмыкает; она явно думает о чем-то другом.

– О чем была книга? – спрашиваю я, чтобы поддержать беседу.

Птица резко вскидывает лысую голову и направляет клюв в мою сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.